

НИКОЛАЙ ПОПОВ

***«Я ШАГАЛ С ГОРНЯКАМИ
ВМЕСТЕ...»***

стихотворения

Попов Н. И.

«Я шагал с горняками»: стихотворения: / Н. И. Попов. –
Кемерово: ООО «Офсет», 2014. – 120 с.

© Попов Н. И., 2014

© ООО «Офсет», 2014

Дорогие друзья!

Земля Кузбасса богата природными ресурсами, но более того она богата сильными, смелыми, талантливыми людьми. И в истории Ленинск-Кузнецкого городского округа есть имена известные всей стране, всему миру. Мы гордимся этими людьми, бережно храним память об их деяниях, передаем ее подрастающим поколениям. А есть в летописи города люди, не отмеченные особыми наградами и званиями, имена которых никогда не выходили за пределы города, да и сами они не часто их покидали. Но жизни этих людей прошли красной нитью через судьбу Ленинска-Кузнецкого и души его жителей оставив добрый, светлый, неизгладимый след.

Именно таким человеком был Попов Николай Иванович. 1 декабря 2013 года исполнилось 100 лет со дня его рождения. Этого отчаянного фронтовика, самобытного поэта, верного товарища и искусного рассказчика знают тысячи горожан. Многие и многие десятилетия радуют ленинск-кузнецчан его душевные, глубокие стихи о городе, нелегком горняцком труде, о самых нежных человеческих чувствах. А в 2010 году, уже после смерти автора, стихотворение «Ленинска-

Кузнецкого именем гордась!» было признано официальным гимном города.

Как случилось, что обычный, начавший жизнь неграмотным батраком человек внес колоссальный вклад в творческое наследие Ленинска-Кузнецкого, стал поэтом нескольких поколений и навсегда вписал свое имя рядом с именем нашего города авторством слов гимна? Так и случилось: великий талант не спрячешь под платком, все равно люди его увидят и оценят. Сам же Николай Иванович феномен своей во всех отношениях успешно сложившейся жизни объяснял добротой и отзывчивостью людей встретившихся на его жизненном пути. И до конца дней помнил имена всех, кто помогал ему. А еще – умением просто радоваться жизни. Для него было счастьем выжить, когда свирепствовал тиф, когда подстерегала фашистская пуля, когда в шахте обрушалась кровля. Для него счастьем было просто ЖИТЬ. Правду сказал классик: «Мир – это зеркало, и он возвращает каждому его собственное отражение».

К сожалению, при жизни Николая Ивановича Попова не было издано ни одной его книги, а многое из творческого наследия было утеряно. Подготовив и издав данную книгу, коллектив авторов не дал угаснуть памяти о нашем талантливом соотечественнике, вернул нам его светлый, искренний дар, позволил насладиться его творчеством, вдохнуть особую атмосферу XX века и еще раз вспомнить людей, двигавших этот век вперед.

Эта книга – дань памяти талантливому поэту и замечательному человеку. Эта книга для тех, кто сегодня только начинает свою жизнь, и для всех будущих поколений ленинско-кузнецчан.

*С уважением,
глава города Ленинска-Кузнецкого
Вячеслав Телегин*

Дорогие земляки!

Люди, как города, по-разному входят в нашу память: одни сразу покоряют своей экзотической красотой, другие – архитектурным, промышленным размахом или уникальной стариной. А есть такие, которые внешне неброски, вроде все на одно лицо – обычные рабочие города, и живут в них обычные люди, каких в стране множество. Но каждый – это особый мир, своя неповторимая биография.

1 декабря 2013 года исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Ивановича Попова – поэта, горняка, участника Великой Отечественной войны, человека, известного широкому кругу горожан. Более 40 лет своей жизни Николай Иванович отдал шахте, но наибольшую известность принес ему его поэтический дар.

Автор слов гимна о Ленинске-Кузнецком, он создал стихотворный фонд о жителях города, о красоте нашей природы, о женщине и, конечно, о героическом труде шахтеров, о нас с вами. Он мог писать как о титанической работе угольщиков в целом, так и о простом «комбайновом зубке», воспевал труд очистников, проходчиков, взрывников, машинистов электровазов. Николай Иванович не пропускал от творческого взора никаких малейших тонкостей. В его стихах прославлены как отдельные люди нашего города и рабочие коллективы, так и шахты рудника. Были стихи и о родной для меня шахте, шахте имени С.М. Кирова.

Я думаю, эта книга послужит вехой в памяти благодарных горожан.

*Б.В. Михалёв,
депутат Государственной Думы РФ,
Герой Кузбасса, Почетный гражданин Кемеровской области,
Почетный гражданин г. Ленинска-Кузнецкого*

От редактора-составителя

При составлении книги Николая Попова неожиданно почувствовал, как будто под моим окном припарковали машину времени. И я прокатился с ветерком по годам жизни поэта Попова.

Присутствовал при написании гимна города! Эти строки навсегда проросли во всех деревьях нашего светлого Ленинска-Кузнецкого как символ свободы и тепла. Посмотрел, как Николай прописывал каждую строчку, словно доставая её из своего сердца. И строки отвечали ему любовью.

Одно из таких стихотворений – «Золотник». Автор посвятил его Марии Филатовой, олимпийской чемпионке:

*«И доносят ветры вести веские
Через Атлантическую даль...
Девочкой из Ленинска-Кузнецкого
Покорён спортивный Монреаль».*

Поэт никогда не забывал о красивых женщинах города шахтёров. А как без них? Ведь, несмотря ни на что, они стойко ждут, когда вернутся в дом их мужья с тяжёлой работы под землёй.

*«Красота!... И ставлю многоточие...
Красоты для вас не занимать.
Вами я люблюсь, мои дочери.
Дочери, похожие на мать».*

Николай Попов – патриот своей страны, своего города, а главное, любимой профессии. Всё его творчество пронизано трепетной романтикой шахты.

*«Не зря нам назначен судьбою
Один из труднейших постов -
Мы каждое утро уходим в забои,
К громадам опасных пластов».*

Вернувшись домой из путешествия по стихам Николая Попова, я понял, что герои – они бывают разными. И именно героем был наш замечательный земляк, поэт и шахтёр Николай Иванович Попов!

*Главный редактор
Литературного альманаха
«Кольчугинская осень»
Дмитрий Филиппенко*

Биография

Николай Иванович Попов родился 1 декабря 1913 года. Его жизнь, как и жизни многих его современников, выпавшие на 20 век, была нелегкой. Но, как верно сказано: времена не выбирают, в них живут и умирают. Николай Иванович жил со всей силой своей страстной, талантливой души, еще и людям помогал жить, вдохновляя примером и яркой, необычной поэтической строкой.

В далеком теперь уже 1977 году городская газета «Ленинский шахтер» опубликовала воспоминания Н.И.Попова о его жизненном пути. Николай Иванович сам назвал эту публикацию так: «Этапы моего счастья». Для него, действительно, счастьем было просто жить. И лучше чем сам Николай Иванович никто не сможет рассказать о том, как он принимал жизнь. Впрочем, читайте сами воспоминания, и вы не сможете не полюбить этого человека, подарившего людям такие замечательные стихи, написанные чутким и отзывчивым сердцем.

Этапы моего счастья

Большой жизненный путь за плечами Николая Ивановича Попова. Он начал с батрачества на кулацком поле, работал шахтером, отшагал длинные вёрсты войны и снова вернулся к привычному шах терскому труду. В его жизни, как солнце в капле воды, отразилась биография поколения – трудная, радостная. И поучительная.

Старый дом

Вот уже более сорока лет я живу в доме – моем ровеснике. Открытие «ровесника» состоялось при капитальном ремонте: на обратной стороне досок панельной обшивки стен мы уви-

дели дату его строительства – 1913 год и фамилии мастеров плотничного и столярного дела. Да, действительно, это были мастера, и дом они строили на совесть. Мне хочется думать, что люди тогда уже явно чувствовали, что недалеко те дни, когда в их творении будут жить, представите ли их класса, а не чиновник акционерного общества «Копикуз». (Многое говорит о том, что в этом довольно роскошном особняке жил один «хозяин».) Если так, они были дальновидны – Советы отдали этот дом под квартиры народу.

Большими светлыми окнами фасадной стороны дом пристально смотрит на улицу Ленина, на Мартовский сквер с обелиском борцам за Советскую власть; на стелу, повествующую о формировании на Мартовской площади отрядов Красной гвардии для борьбы с контрреволюцией в Кузбассе и на Алтае; на могилы участников гражданской войны и Героев Социалистического Труда.

За свою 63-летнюю историю дом стал неммым свидетелем многих славных и героических свершений. Может быть, его крепкие, из смолистой сосны стены переживут еще многие годы, и дом, последним могиканином, станет свидетелем полного преображения улицы Ленина, будет радоваться легкому шелесту троллейбусов по гладкому асфальту, с завистью всматриваться в бесподобные контуры новых жилых зданий.

Возможно, именно образ старого дома и глубокие душевные чувства, тесно переплетенные с этим образом, заставили меня хотя бы очень кратко, самыми яркими для меня эпизодами рассказать о том, что пришлось видеть и пережить. Ибо это пережитое – не только эпизоды моей личной, самой рядовой биографии, но и биографии нашего поколения.

Эти эпизоды ослепительными вспышками возникают в памяти.

Отзвуки детства

...За широким озером – лес. Озеро и лес кормили нас и согревали.

Ранней весной мы копали для еды саранки, корни солодки к чаю. Свежим зеленым салатом были сочные пучки и дидли, корни камыша шли в пельмени, а сухим камышом покрывали сарай и топили печь. Саламаты – мука, размешанная на кипятке, и кулага – сложенное тесто с калиной – были постоянными блюдами на нашем столе. Холщовые домотканые штаны, окрашенные в дубленый цвет, считались для меня праздничной одеждой. Как камышовое озеро окружало со всех сторон нашу избушку, так и вся наша судьба тонула в жуткой, беспросветной нужде.

...Вот и до нашего Зеленого мыса – полуострова в озере – докатилось революционное эхо. У нас на Алтае оно отозвалось партизанским движением. Хорошо помню группу партизан в своей избе. На многих марлевые повязки, отдающие запахом медикаментов и еще не заживших ран. Одетые, с оружием в руках, при свете лучины сидят за выскобленным до сучков столом суровые мужчины. Глухо звякают жестяные кружки, тихо струится, наверно, наскоро сочиненная песня:

*Вблизи Солоновки биенной,
В глухом Касмалинском бору
Есть место, залитое кровью
Героев, лихих молодцов.*

Вдруг песня, как по сигналу, обрывается, лучина гаснет. Под постукивание дробовиков и винтовок изба пустеет: пёстро одетая компания спешит к берегу озера, садится в лодки и движется к лесу на другом берегу...

Недавно я побывал на Зеленом мысе – месте моего рождения. Там не осталось и признаков жилья, следов нашей подслеповатой избенки. Богатый колхоз переселился на новые земли. У раскаленного солнцем песчаного берега, как и полвека назад, плескались волны Серебрянниковского озера, в камышах слышалось громкое кряканье непуганых уток, за озером в молчаливом величии стоял сосновый бор. А на выжженном пригорке – старое деревенское кладбище, где похоронены мои маленькие брат и сестра, которых унесла в могилу оспа. Я стоял на пустыре, и мне отчетливо вспомнилось безрадостное детство с жуткой нуждой, с занесенной над нами косой смерти. Нашим внукам, наверно, такое не приснится и во сне.

...Мне не было и восьми лет, когда мы с матерью остались вдвоем, без всяких средств к существованию. Забросив свою избушку, мать пошла в работницы к богатым людям. Я жил вместе с ней как нахлебник. Кроме горького куска хлеба, она больше ничего не получала за свою работу

С раннего детства я умел обращаться с лошадьми, выполнять деревенские работы, и на десятом году мать была вынуждена отдать меня в работники. Я боронил землю, возил копны, погонял лошадей на конной молотилке, мял навоз для кизяков, водил коней в ночное. За мою работу в течение лета хозяин платил мне посевом пшеницы в четверть десятины. В одну из весен, бороня засеянную для меня эту четверть, усердно молил бога, чтобы всемогущий послал мне высокий урожай. Но напал на мою горемычную полосу червь и съел всю пшеницу на корню. Как начисто была уничтожена пшеница, так же резко, окончательно и навсегда, утратил веру в бога, не стал ходить в церковь. После этого печального для нас случая – остаться без хлеба на всю зиму – с разрешения хозяина выбирал с «любого конца» из созревших посевов положенную мне четверть.

Так десятилетним батрачком я стал зарабатывать хлеб насущный.

Постижение грамоты

С щемящей сердце болью наблюдал в осенние дни, как шумные, весёлые стайки ребятишек шли в школу. Я же ехал в лес за дровами или возил с поля солому. До двенадцати лет мир моих познаний ограничивался случайными вырезками картинок из газет и журналов, этикетками, чаще всего со спичек да папирос, которые я с какой-то особой жадностью собирал и рассматривал. За картинками и непонятными для меня буквами я видел другую жизнь, другой мир, непохожий на мое существование. Чтобы дольше наслаждаться волшебной тайной, я расклеивал их на стенах под самым потолком, лежа зимой на полотах.

В школу было идти не в чем.

Только на тринадцатом году у меня появились кое-какая зимняя одежка и обувь, и я пошел в школу. Это было что-то невероятно восторженное в моей жизни. По дороге в школу я не чувствовал под собой ног. Чувство высокой радости и счастья от приобщения к свету никогда не изгладится из моей памяти. Я и сегодня помню первые стихи и многие выдержки из своих докладов, которые поручалось мне читать и делать на школьных вечерах и родительских собраниях. Моими первыми, никогда не забываемыми учителями были Агния Николаевна и Николай Павлович Бехтерева. Какой негасимый пламень на всю жизнь они зажгли в моей душе!

За три года окончены четыре класса первой ступени. Школа второй ступени в другом, соседнем селе. Ехать туда учиться – нет средств. Мать обращается в Серебрянниковский сельский Совет за помощью. И что бы вы думали?.. Я и

сейчас не нахожу слов, что бы выразить мою, идущую из глубины сердца признательность сельсовету за то, что он устроил меня «за казенный счет» на учебу в интернат Боровской ШКМ вместе с ребятами из детских домов.

Конец двадцатых и начало тридцатых годов знаменательны большими общественными преобразованиями в нашей стране. И мы, интернатские ребята, как мне кажется теперь, были активными участниками этих преобразований. В 1929 году многие из нас были приняты в комсомол, и нам приходилось выполнять уже серьезные поручения старших товарищей – коммунистов. Собирали взрослое население села и проводили с ним занятия по ликвидации неграмотности.

Активно, я бы сказал, наступательно организовывали хлебосдачу государству. А когда началась коллективизация, мы проводили агитационную работу среди крестьян за вступление в колхозы, а иногда выполняли и репрессивные меры по раскулачиванию.

Не забудутся наши «живые газеты» в переполненном людьми наряде, и факельные шествия, и демонстрации кинокартин прямо на улице перед церковью в пасхальную ночь. Это мы, интернатники, комсомольцы конца двадцатых годов, со знаменами в руках шли за первым на селе колесным трактором, прокладывавшим первую борозду новой жизни.

Мы жили в большом двухэтажном доме рядом со школой, доставшемся нам от выселенного кулака. У нас в ШКМ было свое небольшое хозяйство – земельный надел, лошади, сельскохозяйственный инвентарь, и мы интернатским коллективом в 20 мальчиков и девочек исправно вели его: пахали, сеяли, убрали хлеб, ухаживали за скотом.

Какой это славный был коллектив! Мы жили дружной семьей. Общими, волнующими всех были наши интересы.

Я считаю одним из главных этапов моего жизненного сча-

стья, что мне довелось жить в обществе этих ребят, с ними вместе впитать в себя чувство коллективизма, взаимной выручки, готовность поровну со всеми делить радость и горе (а было и то и другое). Разве можно за быть имена таких славных ребят из нашего интернатского дома, как Леня Барков, Саша Быцин, Вася Шатохин, Вася Казанцев, вместе с которыми познавал радость и реальность жизни, приобщался к поэтическому миру Есенина и Маяковского, вдумывался в философские размышления Толстого, завидовал романтическим подвигам героев Фенимора Купера и был захвачен мятежным взлетом горьковского «Буревестника»!

И вот мы, познавшие радости коллективной жизни, зимой 1929 года всем интернатом вступаем в коммуну «Восход» Алейского района. Летом работаем в коммуне, а зимой на средства коммуны учимся в ШКМ. Сколько можно было бы рассказать захватывающих эпизодов из жизни интерната и коммуны! Но главный итог этого периода заключается в том, что всем нам, ребятам из интерната, коммуна дала путевки в большую жизнь.

Зов романтики

Осенью 1931 года нам довелось участвовать в военно-туристическом походе по Кузбассу. Мы побывали на строительстве Кемеровской электростанции, на шахте имени Ярославского Ленинского рудника, на Беловском цинковом и Гурьевском металлургическом заводах, на Салаирском руднике, Кузнецкстрое. Всё увиденное, что было так или иначе связано с углем, рудой, металлом, окончательно покорило наше воображение, и зимой того же года мы с Леной Барковым приехали на учебу в Томский горный техникум.

Нашим первым наставником, учившим нас горному ис-

кусству, был В.Г. Кожевин, впоследствии начальник комбината «Кузбассуголь», потом – ректор КузПИ, Герой Социалистического Труда.

Время требовало, чтобы техникум, его учебный процесс были приближены к производственной базе, и осенью 1932 года его переводят в угольный центр Кузбасса – город Прокопьевск. Тырган, где разместился техникум, не имел в ту пору еще никаких связывающих его с городом коммуникаций. Нам, учащимся, пришлось самим тянуть водопровод, строить узкоколейку, монтировать свою электростанцию, чтобы осветить техникум, прокладывать теплотрассу. Работы было много, требовалось высокое напряжение сил, чтобы успеть справиться со всем и вовремя начать занятия. Душой всего нашего коллектива в те трудные дни был директор М.Н. Егоров (он позже много лет работал в Ленинске-Кузнецком). Его жизненный пример активного участника гражданской войны, его пламенные выступления перед аудиторией учащихся зажигали нас, и мы работали на всех объектах в духе корчагинцев, в ритме «Время, вперед!». Сколько было молодого ликования, когда по нашей узкоколейке прошел на Тырган первый паровоз-«кукушка», когда заработал движок электростанции и на колючем ветру Тырганской горы, как жар-птица, зажглось разливом электрического света здание нашего техникума!

Недавно со своим старым другом-однокашником В.Д. Ивакиным мы просматривали у него на квартире в Кемерове пожелтевшие фотографии и с волнением вспоминали ребят, с которыми бок о бок трудились на кладке стен, копке траншей, на монтажных и отделочных работах. Всмотриваясь в юношеские лица друзей, мы забывали о своем почтенном возрасте пенсионеров и называли их так, как сорок с лишним лет назад. Вот некоторые из них: Роман Жариков, ныне

работник учебно-курсового комбината в Ленинске, Тихон Омельченко – начальник разреза в Междуреченске, Михаил Ткаченко – не вернулся с фронта, Николай Хорин, работавший на шахтах в Ленинске, Белове и Прокопьевске, Василий Мишин – бывший главный инженер шахтостроя. И десятки других ребят, пришедших от плуга и станка в храм горной науки и выросших позднее в командиров угольного производства.

В шахтёрском строю

Первый мой спуск под землю состоялся 45 лет назад на бывшей шахте «А» во время первой производственной практики. Шахта находилась в стадии строительства, в стволе еще не была окончена армирование, и мы с кайлами и лопатами в руках, при свете бензиновых ламп «Вольфа» спускались в шахту первым уклоном, что выходил на поверхность в районе нынешнего пионерского парка. Мы вели сбойку со стволом. Мелкую нарезку – печи, про секи – вели вручную, основной штрек – так называемым механизированным способом: в нашем забое была проходческая машина иностранного производства «Сискол».

Она своей корончатой штангой могла только производить веерообразную врубовую щель в толще пласта, штыб из которой мы выгребали кочергой.

Приходилось несколько раз переставлять «Сискол» с места на место, чтобы сделать вруб по всей ширине угольного забоя. Шпурсы по углю бурили ручными сверлами-перками, наподобие коловорота. Грудью или животом давишь перку на забой, а рукой делаешь вращательные движения. Такое сверло старые шахтеры называли по-своему – «брюшной тиф». Только изредка применялись электрические сверла, но тоже

изготовленные за границей – фирмы «Эллист». Работать было очень трудно. От плохого проветривания забоев гасли бензиновые лампы, а снова зажечь их было сложно: в воздухе с большим содержанием углекислого газа гасло пламя спички. Из нарезок до откаточного штрека уголь транспортировали в «санках» – корыте из досок на деревянных катках. А вагонетки по основному штреку откатывали вручную или, в лучшем случае, лошадьми.

Все последующие годы я работал на шахтах Ленинского рудника, и на моих глазах произошло величайшее их преобразование – оснащение современной горной техникой. Порой не верится, что угольная промышленность в очень короткое время сделала такой огромный рывок вперед.

Май 1935 года... Наша небольшая группа молодых специалистов – И. Дмитриев, Р. Жариков, Н. Горохов, Н. Хорин, Л. Широглазов – прибыла по назначению на Ленинский рудник. У себя в кабинете нас принимает управляющий трестом Кротов. Глухо ударяя своими мощными ладонями о стол, он так закончил напутствие нам: «Ребята, страна требует от вас угля, угля, угля...».

Мне посчастливилось начать трудовую деятельность в роли горного мастера со знаменитой тогда казахской бригадой Дюсекея Рахимбаева на шахте имени 7 Ноября. Это было на заре стахановского движения. Надо было видеть, как играли шуфельные лопаты в руках навалоотбойщиков, наваливающих уголь на решетки качающих приводов. Бригада из десяти человек нагружала за смену по 300 однотонных вагонеток. Это был исключительный трудовой подъем. А как было не любоваться, наблюдая за работой вруб машиниста Харченко на той же шахте, который за два часа подрезал 120-метровую лаву!

Работая долгое время до войны и после войны в коллекти-

ве шахты имени Ярославского, я близко узнал таких самоотверженных тружеников, как Герой Социалистического Труда Федор Петрович Раб. Это ему принадлежит родившаяся в дни войны крылатая фраза: «Линия фронта проходит у меня в забое». И он ее оправдывал своим горячим делом: переносные гирлянды электрических ламп в дни повышенной добычи первыми зажигались в Болдыревской лаве, где работала бригада Раба, первый в смене вагон с углем на эстакаду шахты поднимался с флажком из третьего Болдыревского уклона – это была Федорова «первая ласточка», извещавшая о том, что работа началась вовремя. Его товарищи по горняцкому труду, доброжелательные соперники – бригады коммунистов Осиса, Тяженко, Чернявского, братьев Бобраковых тоже вписали емкие страницы в трудовую летопись шахты, и переносные гирлянды из Болдыревской лавы часто переходили в лавы пластов Майеровского, Серебрянниковского, Толмачевского.

Сегодня, когда я прохожу по «железным» лавам лауреата Государственной премии Михаила Качесова или кавалера ордена Ленина Людвиг Рутковского и вижу, как звено в 5–6 человек из-под стометровой махины-комплекса отправляет нескончаемый поток угля, – вижу неизбежность трудовых традиций, родившихся в годы первых советских пятилеток, зримое воплощение в жизнь бессмертных ленинских утверждений о победе коммунистического труда.

Военная страда

Идет первый месяц Отечественной войны... Эшелон увозит нас со станции Кольчугино в неизвестном направлении. Только одно известно точно: на священную войну, в бои за Родину. Нам по 25–30 лет. В вагоне те же, с кем мы вместе

учились, ходили на работу, бурно спорили на комсомольских собраниях, просто встречались на улицах города: Микрюков, Пирогов, Абожин, Поляков, Темирханов, Жариков, Отц, Нырков, Константинов... Много... А вслед за нами уходили на фронт новые группы. Только письма из дома доносили нам вести об этом.

Для многих из них трогательные расставания с родными оказались последними: не вернулся на «Ярославку» мой старший товарищ по работе, главный инженер шахты Д.Д. Рубцов, отдали жизнь за Родину главный инженер шахты «А» Шомполов, Почтарь, все четыре брата Ременниковы. Только подумать: из одной семьи четыре брата! Родители Ременниковых не смогли пережить такой тяжелой утраты...

С Петей Ременниковым в течение года мы служили в одних частях, а наши жены, моя Аня и его Зоя, оставшись с детьми на руках, пошли на курсы шоферов. Эти внешне, казалось, мало подготовленные к физическому труду, но сильные духом двадцатилетние женщины работали шоферами на грузовых машинах – возили крепежный лес для шахт, уголь в котельные города, хлеб с полей, раненых солдат по госпиталям. Совместная служба и одинаковые семейные обстоятельства с П. Ременниковым крепко нас сдружили, и его безвестную смерть где-то в парашютных войсках я переживаю с особо глубоким душевным волнением...

Почти на пять долгих и трудных лет отлучила нас война от родного дома, от привычного труда. За это время я испытал горечь вынужденных отступлений, видел пылающие в огне донецкие степи, трижды переплывал израненную бомбовыми ударами Волгу, сдерживал врага пулеметным огнем на подступах к Сталинграду, видел «новый порядок» на оккупированной территории, выходил из окружения. Я дожил до радостного Дня Победы. Провожали меня на войну дети,

не понимающие, что бы это значило, а когда вернулся – они уже ходили в школу.

Больше половины после октябрьской эпохи мы живем без войны. Выросло новое поколение людей, не испытавших ее ужасов. И это наше общее счастье, завоеванное в кровопролитных боях, оплаченное жизнями дорогих нам людей, обеспеченное экономической мощью нашей Родины и мудрой программой мира, начертанной нашей родной ленинской партией!

Семья

Семья наша, как венец личного и общественного счастья, сложилась давно, еще в студенческие годы. Время шло, и она крепла и разрасталась. Отпочковались и сложились в самостоятельные, новые молодые семьи. Трех дочерей и двух сыновей вырастили и воспитали мы с женой.

В старом добром доме, моем ровеснике, звенят детские голоса: внуки дают концерт. Звучат заразительный смех «слушателей» и одобрительные аплодисменты, а перед мысленным взором проходит мое незавидное детство в чадной избе. Какие это разительные контрасты! А между ними не так уж много времени – всего 60 лет. У множества моих сверстников сложились свои биографии, но я, наверное, не ошибусь, если скажу, что все они в счастье Родины обрели и свое личное счастье.

Прошло еще 40 лет. Эти строки пишут уже дети и внуки.

Николай Иванович ушел из жизни 2 апреля 1988 года, скоропостижно. Инфаркт случился на отдыхе в санатории, где он в свои 75 лет, наравне с молодыми людьми, участвовал в спортивных конкурсах.

Похоронен Николай Иванович на кладбище п. Красная Поляна Ленинск-Кузнецкого района, рядом с женой Анной и внучкой Катей.

Как сложилась наша жизнь, детей, внуков и правнуков?

К сожалению уже нет старшего сына Владимира (1999 г.). В Ленинске-Кузнецком живет его жена, дочь, внуки, правнуки. Остальных жизнь раскидала по разным городам России. Это – Новокузнецк, Новосибирск, Москва, Анапа, Сочи.

Жизнь продолжается, бурлит. На смену нам, детям Николая Ивановича и Анны Яковлевны, уже повзрослевшим внукам, приходят правнуки. Они не знали живого деда, но нашими рассказами, воспоминаниями, по старым фотографиям они изучают историю семьи. Они несут в себе гены, несут все то хорошее, что им передали два жизнелюбящих, добрых, сильных человека – Николай Попов и его жена Анна.

Красота! ... И ставлю многоточие

Верю и не верю

Видно обделен я
Счастьем синеоким...
И зачем влюблен я
Сердцем одиноким.

А без чувств интимных
И душа остыла
Стало все противным
Стало все постылым.

Белую порошей
Позакрыло тропки...
Я к своей хорошей
Пробираюсь робко.

Принесет возможно
Мне душевный трепет
Думаю тревожно:
Встретит иль не встретит.

В счастье быть с тобою
Верю и не верю.
Будь добра – с любовью
Распахни мне двери.

Как бывало прежде
Твой покой нарушу...
Своей лаской нежной
Отогрей мне душу.

Встреча

Ты мне казалась гордой недотрогой,
Холодным тоном, подчеркнув отбой
И потому попутною дорогой
Я не решался сблизиться с тобой.

Тебе как будто близости не надо,
Улыбки посылала – просто так...
И вот за то обоим нам награда –
Оставшаяся в сердце пустота.

О, как я рад минувшей нашей встрече,
Тот день, наверно, станет дорогим
Мне не забыть в цветастом платье плечи
И по асфальту женские шаги.

Как ты глядела с нежностью печальной,
Что проникает в душу глубоко...
И думаю, наверно, не случайно
Ты потянулась ласковой рукой.

А новой встрече время не далеко –
Придет и к нам наш полдень голубой,
Возьму тебя за твой, за нежный локоть
И уведу, куда-нибудь с собой.

Дождик проливной

За селом, за рощей
Дождик лил косою...
Встретил я хорошую
С черною косою.

Что нам чернокошая
Мокнуть под дождем
В сене свежескошенном
Вместе переждем.

Не считает времени
Юности пора...
Дождик тот, наверное,
Лился до утра.

Бушевала с грозами,
Чувств высоких власть.
Золотыми розами
Грудь её зажглась.

Мы тобой повенчаны,
Дождик проливной...
Молодая женщина
Стала мне женой.

Дорогая

Дорогая, почему изрядно
От обид кружится голова.
Как у нас с тобой порой нескладно
Льются в душу нервные слова.

Часто мы толкуем про разлуку,
Причиняя только сердцу боль.
Мы себе придумываем муку,
Хлеще чем зелёный алкоголь.

Дочери

Дочерям Зое, Лире, Лене, Ирине

Как и все, мы, счастье вам пророчили,
Берегли в ненастья мы от бед.
Как вы быстро повзрослели, дочери,
Подчеркнув седины наших лет.

Ведь недавно вы играли в скляночки,
Бегали по лужам босиком.
Вас купала мама в тёплой ванночке
И парным поила молоком.

Называла ласково вас «дурочки»
В подходящий, с жалостью момент.
Бережно храня в своей шкатулочке
Первый о рожденье документ.

Институты вы давно окончили,
Каждая свила своё гнездо.
Бегают по лужам ваши дочери
Также под счастливою звездой.

Жизнь идёт, мечты ваши сбываются
Только не о птичках — снегирях.
И у вас сединки пробиваются
От тревог о ваших дочерях.

Стали вы для нас ещё красивее
Обликом, характером, душой,
Дочери, рождённые Россией –
Родиной прекрасной, боевой.

Красота!... И ставлю многоточие...
Красоты для вас не занимать.
Вами я люблюсь, мои дочери.
Дочери, похожие на мать.

Женщины золотой поры

Если Вас случайно возраст спросят,
Вы ответьте – пусть услышат все!
«Наступает золотая осень
В пышной удивительной красе!»

И теперь в осанке и походке
Вы круты, как парус над волной,
Женщины, девчонки – одноклассницы,
В детстве опалённые войной.

Через все утраты и заботы
Вы несли сердечное добро...
В волосах с волнистой позолотой
Раннее пробилось серебро.

Вам теперь по круглым годовщинам,
Молодость цветущую не ждать...
Я ж готов всем существом мужчины
Истину святую утверждать:

Что не выйдут из прекрасной моды
Как листья багряной яркий цвет –
Женщины, прошедшие сквозь годы
К золотой поро осенних лет!

Как мне трудно без тебя минуту каждую,
Душу жжет тоски июльской зной
Припаду к твоим устам с больною жаждою,
Как к источнику с прохладною водой.

Я клянусь всей жизнью, от рождения
До последних, считанных минут,
Что не знаю выше наслаждения,
Как испить твой жаркий изумруд.

Когда вы с нами

Это к Вам, дорогие женщины,
Стих мой, чувствами налитой,
По мужскому – слегка застенчивый
С откровенною прямою.

Вы для нас, словно святость хлеба
И спасенье от всех тревог...
Наши души, как звёзды с неба,
Рассыпаем у Ваших ног.

Наши милые и хорошие!
Вы нам – солнце весенним днём.
Мы без Вас, как бурьян нескошенный,
Огрубеем и пропадём.

В ласке – добрые, в деле – строгие,
Вы советчицы нам во всём...
Нам становится легче дороги те,
По которым любовь несём.

Чудо жизни! Пока вы с нами,
Даже в лютый мороз тепло...
И с родными нам именами
Вы вошли в нашу кровь и плоть.

Есть такое в мужском характере:
Пол прекрасный мы нежно чтим...
Имя светлое женщины – матери
От любой беды защитим.

И за женщин от туч с их грозами
Гнев души обнажим как меч.
Для того мы, мужчины, созданы,
Чтобы Вас, наше чудо, беречь.

Когда ты рядом

Как мне выразить то словами,
Что наполнило душу мою...
Бьются молнии между нами,
Когда рядом с тобою стою.

Огнемётные их заряды
Будоражат и кровь, и плоть.
Это счастье – когда ты рядом
Излучаешь своё тепло.

Польхай, огневая сила,
Ярче, трепетней, горячей.
Жги мне душу, моё светило,
Волшебством золотых лучей.

Ландыши

Годы мчатся, как россыпь клавишей,
И всё дальше уходит срок,
Когда запах весенних ландышей
Нам с тобою сердца зажжёт.

Как смотрел я в лицо твоё пристально,
О загадочном счастье мечтал.
И тебе лепестки серебристые
В косы чёрные заплетал.

Не забудутся взгляды лучистые,
Локон, вьющийся на плече,
И цветы наши нежные, чистые,
Цвета северных белых ночей.

Мы, как прежде, во власти, милая,
Той крылатой большой мечты...
И, наверно, с тобой счастливые,
Если в сердце храним цветы.

Волоса, словно белой порошею,
Зимы долгие нам замели...
Может это, моя хорошая,
Наши ландыши расцвели...

Много чувств молодых, не рассеянных
Пронесли мы в сплетении рук,
От того, что цветы весенние
Согревали нас в дни разлук.

Мы дорогой не гладкой, далёкою
Открывали во всём красоту...
И тебе в серебристые локоны
Снова ландыши заплету.

Незнакомка

Чтобы жизнь по мелочам не комкать,
Глупо не разменивать года,
С этой чудной, милой незнакомкой
Я б остался раз и навсегда.

В час счастливый или в час тревоги
В поисках любимой и родной
Стал я беспредельно очарован
Незнакомой женщиной одной.

Ноги женщин

Красоты я видывал не мало,
Восхищался ею сколько мог,
Но волнует сердце, как лекалом
Сделанный рисунок женских ног.

Кто на них не обращал вниманья
С юных лет и до последних дней.
Мягких форм **святое** изваянье
Нас чарует прелестью своей.

Если ты у жизни не попутчик
И характер твердый как металл...
... Помните, как ноги женщин Фучик
Жадно перед пытками считал.

Чувств мужских не сдержит – это ясно
Слава осуждающей молвы...
Явно иль с украдкой – пол прекрасный
Смотрится от ног до головы.

Оператор

*Валентине Вдовиной –
оператору клетьевого ствола*

В будочке, за пультом управления
Ты сидишь, как в звёздном корабле,
Ловишь пульс глубинного кипения
И сигналы подаёшь Земле.
Клеть летит к космическим вершинам.
Много горизонтов, как светил...
Ей земля — подъёмная машина
С притяженьем в сотни тысяч сил.
Словно месяц золотой подковой
Лампы люминесцентные горят.
Ты, как Валентина Терешкова,
Принимаешь солнечный парад.
Спутниками клетки в перегонах
Трассами канатными снуют:
С горной массой шахтные вагоны
Жар тысячелетий выдают.
И твои внимание и совесть
Выше, чище синевы небес.
Есть своя в работе невесомость,
Давит взлётных перегрузок пресс.
День рабочий хлопотен и долог,
Но приятно оживит мечты
Зеркальца волшебного осколок –
Скромный спутник женской красоты –
К той поре и отгремят раскаты –
Угольный утихнет океан...

Выедут чумадые ребята
В касках и костюмах марсиан.
На гора, поднявшись с быстротою,
На ходу доспехи теребя,
Все они проходят шумным строем
С пристальным равнением на тебя.

Я видел женщину одну
Во всей красе прелестной,
С лицом, похожим на луну,
С глазами – цвет небесный.

Средь милых женщин мы живём,
Таких же встретишь мало...
Как-будто сделало её
Волшебное лекало.

Шахтёрские вершины

Баллада о комбайновом зубке

Поклоняются, как причастью,
Предсказанию от жреца,
Что подкова приносит счастье
С ног горячего жеребца.
В жизни конь не боялся риска,
Сечен ветром, дождем умыт,
Счастье, как золотые искры,
Вылетало из-под копыт.
И наслышавшись вот такого,
Быть счастливым хотелось мне –
Взял и я подобрал подкову
И прибил на своей стене.
Но, наверно, от старой клячи
Мне досталась её броня,
Беды жизни и неудачи
Так и сыпались на меня.
Не балованный громкой славой,
Знавший больше пинки под бок,
Лез однажды по низкой лаве
И увидел в штыбу зубок.
Был он выщерблен, но не гнутый –
Мне явившийся талисман.
Не задумавшись ни минуты,
Я его положил в карман.
Видно, он не просил придела,
Вырубая массив пласта,
И что надо, то в жизни сделал,
Тем и совесть его чиста.
Враг встречался коварный, лютый –
Так и просится на таран!

И зубок высекал салюты,
С хода врезавшись в колчедан.
И за то, что он жил упрямо,
Спуску недругу не давал,
Его после глубоких шрамов
Кто-то просто метнул в завал.
Дух могучий, способность дай нам
Ни гореть, ни тонуть в реке!
Крепче стали зубок комбайна
Я на счастье ношу в руке.
Если надо – пусть сердце брызнет
Жаркой кровью в последний срок...
Очень хочется мне при жизни
Быть похожим на тот зубок.
Я зубок, высекавший счастье,
Не сменяю на сто подков,
Гордый тем, что судьбой причастен
К славной армии горняков.

Взрывник

В те забои, где рвутся «серьги»,
Где порода металл сечёт,
Он патроны боевых энергий
В сумке кожаной принесёт.

Сам укроется где-то рядом,
На опасность сигнал подав,
И направит искру к заряду
По растянутым проводам.

Это он, на отдачу щедрый,
Ураганный напор добыв,
В тишине задремавшие недра
Поднял с грохотом на дыбы.

Как бы ни была крепко слита
Твердь земная в массивы плит,
Грозной силе его аммонита
Покоряется монолит.

И гудят работяги-взрывы
За запором тугих пыжей,
Совершая в земле прорывы
Неподатливых рубежей.

Воздух

В шахте много квершлагов и штреков,
И по ним, порывист, как прибой,
Неизменный спутник человека –
Воздух – устремляется в забой.

Пролетит он сотни километров
От зелёных парков и аллей.
Принесёт нам в шахту свежесть ветра,
Аромат весенних тополей.

Замыслы коварные у газов
Упредит, и люди спасены...
Он – бессмертье красок и алмазов!
И за это нет ему цены.

Глубина

Тем, кто до безумия лихие,
Трудная обязанность дана:
Наша своенравная стихия –
Тёмных горизонтов глубина.
В ней причуд встречается немало,
Стережёт опасность не одна –
Тем и нас собой очаровала
Пропасти тревожной глубина.
В глубь идём, где угольные лавы
Закипают магмою земной,
Чтоб добыть заслуженное право
От души гордиться глубиной.
Любим мы в положенные сроки
Слушать арфы звонкую струну,
Потому что под землёй глубоко
Ценим чувств душевных глубину.
Глубиной мы неотступно бредим,
Нам нельзя прожить без глубины,
Она с нами в дружеской беседе
И порой тревожит наши сны.
Оттого, наверно, в жизни сразу
Крепче искромётного вина
Будит чувства, покоряет разум
Помыслов шахтёрских глубина.
И не зря не знавшие полётов,
Крыльями заботливой страны
Подняты в орлиные высоты
Люди из подземной глубины.

День последний

Мало жить дано человеку,
Наступает у каждого вечер...
День последний... Бреду по штреку,
Опустились, как крылья, плечи.

Под землёю окончена вахта,
Сорок лет завершились мигом...
Я с тобою прощаюсь, шахта,
Как с запоем прочтенной книгой.

Я шагал с горняками вместе
По пластам и по жилам рудным,
Ты была моей звонкой песней,
И расстаться с тобою трудно.

Ты как сына меня родного
Своей грубой рукой ласкала.
Много я изорвал спецовок
О забои твои, как о скалы.

Много радостей, меньше горя
Мы с тобою не раз встречали...
К горлу спазмы, как волны моря,
Подступают комком печали.

Прожил жизнь я ершом упрямым,
Этой славой по горло сытым,
И листами почетных грамот
Как осенней листвою осыпан.

Ни к чему мне в прощальный вечер
Слышать перлы хвалебной оды:
Как солдат из кровавой сечи,
Отхожу я в тылы на отдых.

Может быть, увлекусь я садом –
Счастье жизни в цветах открою,
Только вихри лавных посадок
Будут сниться иной порою.

Как породы комплекты мяли –
Все как надо впишу в стихи я,
Как случайно друзей теряли
В этой черной слепой стихии.

Знали мы инструмент слесарный,
Крепость стоек да мощь тротила,
А металлом другие парни
Лавы бешенство укротили.

Но однажды на праздник в мае,
Очень тронутый встречей близкой,
Я тебе, моя шахта родная,
Поклоняюсь, как другу, низко.

Расстаюсь я с тобой без обиды,
До сердечной волнуясь дрожи...
Что с тобою узнал, увидел,
От души расскажу молодежи.

Деревянная стойка

Толщи гор в забоях подпирая,
Крепь стоит, как корабельный лес,
Мускулы до боли напрягая
Из плетений солнечных колец.
Долг-присягу выполняя стойко,
Крепь не ропщет на свою судьбу.
И зовут её шахтёры «стойка»
За её нелёгкую борьбу.
Твёрдая солдатская отвага,
Видно, при рождении ей дана,
Умирая, не отступит шага,
Как грозой, повдоль расщеплена.

Канатная дорога

Чтоб в ходьбе не тратить силы много,
Мрачным представлениям вопреки,
Под землёй воздушною дорогой
До забоев ездят горняки.
Та дорога племени крылатых,
Повторяя журавлиный взлёт,
Вверх и вниз на роликах-канатах
Ожерельем кресельным плывёт.
Знаем мы, что голубые выси
Не заменит в жизни нам ничто.
Мы же с ней – как в небо поднялись мы,
Светлой окрылённые мечтой.

Каска

По формам – обтекаемо скромна
И мягкими тесёмками прошита.
Ударов град – и как в бою она,
Наш талисман, спаситель и защита.
Шахтёр с породой вечно во вражде –
В непримиримой, обострённой, колкой.
И каска нам от каменных дождей,
Как в дни войны – солдату от осколков.
Мы от того становимся родней,
Что с ней живём солдатскою судьбою...
И лампочка лучистая над ней
Горит красноармейскою звездою.

Комбайнёр

В самых первых рядах сраженья
С грозной силой подземных тайн
Он в своём боевом снаряжении
Горным полем ведёт комбайн.
Не растут здесь хлеба и травы,
Не обласкан зарёй восток:
Его поле зовётся «лавой»
За кипящий угля поток.
В клубах пыли железа грохот
Потрясает пласта покой.
Глыбы угля дробятся в крохи,
Бурной, чёрной текут рекой.
Трудновато порой, конечно,
Под землёй – не полей простор.
Он – как сокол в аду кромешном –
Крылья гордые распростёр.
Но от этой работы «грубой»
Он не хмурый, как в ночь гроза:
Жемчугами сверкают зубы,
Васильками цветут глаза.

Крепильщик

Шагом твёрдым идёт по трапу,
Как свинцом налилась нога...
Так же крепко он вяжет «в лапу»
Из смолистой сосны круга.
Редко видит под солнцем в полдень
Серебристый разлив ковыля.
А руками своими поднял
Брёвен целые штабеля.
В крепях рваные раны лечит,
Меж ладоней зажав топор,
Подставляя крутые плечи
Под несметную тяжесть гор.
Это он, как солдат бывалый,
Самородок ума и рук,
Полосою глухих завалов
Выставляет за кругом круг.
И не сдвинутся с места горы,
Не спокойные, не легки,
Если он подводил опоры
Под породные потолки.

Лавы

Тот, наверно, ни в какие сроки
Не поймёт, кто лавы не качал,
Как угля кипящие потоки
Бьются, словно волны о причал.
Как кругом гремят грозы раскаты –
В толщах гор идёт переворот,
И летит по гезенкам и скатам
Эхо растревоженных пород.
То как зверь, окованный металлом,
Стонет покорённый великан...
И гудит романтики каналом
Лавы огнедышащий вулкан.

Машинист электровоза

Много песен душой пропето
Под размеренный стук колёс,
Под разливы дневного света,
Как под россыпи ярких звёзд.
Не уложатся в километры
Все пробеги за долгий срок,
Если рядом свистали ветры
У подземных путей-дорог.
Как он угольную поклажу
Чёрным золотом перевёз,
Может, ярче о том расскажут
Перепевы из-под колёс.
Как за красным и жёлтым кругом
Свет желанный горел, не гас...
Помогает в пути, как другу,
Светофора зелёный глаз.
Он в стихии своей спокоен:
С вихрем скорости – до звезды!
Знать, в характере есть такое,
Что от русской лихой езды.

Метан

Мы теперь спокойно в шахте дышим
Воздухом из свежих атмосфер,
Только в песне старомодной слышим,
Как «спустился... в шахту... инженер»...
Лампой Вольфа пламя голубое
Он искал по газовым местам,
Да ходил с опаской по забоям,
Выжигая факелом метан.
Он сиял торжественной улыбкой,
Если газ в пределах нужных есть,
Но однажды допустил ошибку,
Поджигая газовую смесь.
Миг – и всё, как пулей подкосило...
От волны живому не уйти,
Если грохнет огненная сила,
Все сметая на своём пути.
Было в шахте горняков немало,
Там прошла их страшная межа...
Все они под грудями обвалов
Навсегда остались там лежать...
Шла борьба с метаном неустанно –
Не сочтёшь потерь из сотен мер,
С неотступной думою титана
Вновь спустился в шахту инженер...
И теперь не потрясают горы
Взрывы газа, душу леденя.
Инженерной тонкости приборы
Упреждают бешенство огня.
Над копрами крутятся колёса,
Вывозя нас к солнцу и цветам.
Ну а песня – пусть она поётся
Про опасный спутник наш метан.

Мужское рукопожатие

Мы, друзья, не смотрим в жизнь угрюмо,
Можем в спорах молнии метать,
Иногда под звон хрустальный рюмок
Милых женщин руки целовать.
Но дороже этих чувств высоких –
Кто-то же придумал – надо б знать:
Чтоб друзьям в положенные сроки
И при встречах руки подавать.
Наши встречи после дней разлуки
От того, наверно, хороши,
Что взаимно стиснутые руки
Стали выражением души.
А душа мужская – она сроду
Бескорыстным мужеством полна:
За друзей готовы в пламя, в воду
И бокалы осушить до дна.
Мы в руках, как в пазухе, сердито
Не храним убийственный огонь.
Подаём друзьям с душой открытой
Мирную рабочую ладонь.
Но душа становится как кремень,
Если разум болью обожжён:
Мало знать, здоровались мы с теми,
Кто на фронте пулею сражён...
И теперь в забой от «лукавых»
Талисман наш носим каждым днём –
Говорим при спуске: «Друг, глюк ауф!»,
На-гора поднявшись, руки жмём.
То готов со всеми умножать я,
Что не купишь звоном серебра, –

Крепкие мужчин рукопожатья
С пожеланьем счастья и добра.
Не бросая слов на ветер даром,
Ради звонкой песенной строки
Признаю простым, но высшим даром
Крепкое пожатие руки.

Проходчик

В тёмном царстве, в пылящем зное
Лампа светит ему звездой.
Он подземною целиною
Первой движется бороздой.
Сколько встретит волшебных красок,
Прорубая пласты пород,
По далёким пунктирным трассам,
Древним миром идя вперёд.
А упорство пород крепчает –
Их приходится брать в упор,
На нелёгком пути встречая
Газ и воду, удары гор.
Много сделано им проходов –
Подлинней, чем земная ось:
Если сложить его уходы,
Шар пронижет квершлаг насквозь.
Держит курс по науке строгой
До соковищ седых веков...
По разведанной им дороге
Двинут армию горняков.

Рабочий горизонт

Там, где вскрыта угольная свита,
Не смолкает гул и перезвон:
Новый день встречает деловито
С нулевой отметкой горизонт.

Здесь всё так, как на горячем фронте –
Двигается, тревожится, не спит.
Как на том же самом горизонте
Штурмовая Балтика кипит.

Воздуха напористые струи,
Что приносят дождевой озон,
Принимает, словно поцелуи,
Жаркими губами горизонт.

Сколько тонн он держит над собою
У ствола глубокого на дне,
Залитый, как солнечным прибоем,
Золотою россыпью огней.

Не уронит он высокой марки,
Строгого характера резон.
По делам – особенный и яркий,
Основной рабочий горизонт.

Гаммы колокольные, трезвоньте,
Пусть везде вещает этот звон:
Нет на свете шире горизонта,
Чем глубокий шахтный горизонт.

И всегда мы будем, как на фронте, –
Ствол гудит, как ратная труба...
Ведь у многих с жарким горизонтом
Связана шахтёрская судьба.

Составы

По штрекам проносятся составы,
Нагрузившись углем каждый раз,
Весело на рельсовых суставах
Выбирая дробный перепляс.
Только как предвестница-сирена,
Свисту ветра вторить не устав,
Залитой огнями в пересменок
Пассажирский пролетит состав.
Каждый час, свершая подвиг славы,
По забоям бьются горняки...
И опять идут к стволу составы,
Словно волны угольной реки.

Сыновья шахтёров

Полные мечтаний, вырастем мы скоро
Силой и задором горнякам под стать.
Крепкими руками, сыновья шахтеров,
Примем эстафету недр штурмовать,
Под разливы маршей, песенных аккордов
Мы к пластам глубоким двинем напролом,
Перекроем в шахтах нормы и рекорды
И зальем Отчизну светом и теплом.
А пока, играя, примеряем каски,
С лампочкой шахтерской ходим напоказ,
Каждый раз, любуясь угля черной краской,
Что легла каемкой у отцовских глаз.
Нам волнуют душу орденские ленты,
Золотыми лаврами праздничный мундир...
И шахтер почетный, словно из легенды,
Каждому мальчишке дорог как кумир.
Для мальчишек в шахту не закрыты двери,
И не стать шахтером – нет у нас причин...
А девчонки наши – в это твердо верим! –
Будут настоящих видеть в нас мужчин.
С трудными пластами недалеко встречи,
Мы горды завидной в будущем судьбой –
Примем, как атланты, на крутые плечи
Мирную планету в дымке голубой.

Уходим в забои

Мы в лаве без светлых оконцев
По долгу шахтерской судьбы
Уходим на время от яркого солнца,
Чтоб солнечный камень добыть.
Идем по аллеям, где росы,
Как жемчуг, на солнце горят,
Вдыхая последний дымок папиросы
Да нежных цветов аромат.
К нам низко склоняются клены
Зеленой своей головой,
А девушки милые легким поклоном
Приветствуют нас в ламповой.
И будет работа легка нам,
И будет в работе успех,
А вслед рукоятчик нам крикнет: «Глюк ауф!
Счастливо подняться наверх!».
Стихию привычную встретим
Мы хваткой натруженных рук...
Во мраке кромешном нам лампочки светят,
Как взгляд наших верных подруг.
Не зря нам назначен судьбою
Один из труднейших постов –
Мы каждое утро уходим в забои
К громадам опасных пластов.

Шахтёрская лампа

Кто-то далеко за облаками
Мчится к звёздам с вихревой ездой,
Мы ж идём подземными штреками
С лампой, как с волшебною звездой.
Прорезала в шахте мрака тучи,
Опершись шахтёру на плечо,
Как перо жар-птицы, лампы лучик
Мечется прожекторным лучом.
У пластов, как вздыбленных торосов,
Отблесками солнечного дня
Плещется взволнованная россыпь
Яркогo шахтёрского огня.

Шахтёрские вершины

Мы можем брать вершины непокорные,
Идти путем нелегким, непростым –
К ним курс лежит через удары горные,
Крутые и опасные пласты.

Идем упорно через толщи рудные,
Как жаркий день к холодному ключу...
Вершины неприступные и трудные
Становятся шахтерам по плечу.

В кромешной мгле – огни не очень яркие,
В забое пыльном – теснота и зной...
Вершины не холодные, а жаркие
Взметнулись ввысь под крышею земной.

Для нас вершины – лавы миллионные,
Пласты угля, как монолиты скал,
Недаром наши крепко просоленные
Обильный пот рубахи полоскал.

И сдвиг пород, как ураган бушующий,
Взрывается за крепью в пустоту,
А мы идем, как гвардия штурмующих
С отметкой минусовой высоты.

И труд наш схожий с песнею хорошею:
За циклом цикл, как за витком виток,
Массив пластов мы превращаем в крошево,
В налитый солнцем угольный поток.

Шахтёры

От того как сильно давят горы,
Гнётся сталь и крошится бетон,
Только не сгибаются шахтёры
Под нагрузкой в миллионы тонн.
С крепкими, бугристыми руками,
Как они проворны и сильны!
Только им подвластен чёрный камень,
Камень, не имеющий цены.
В куртки грубоватые одеты,
Скромные в поступках и речах,
Не они ль родную нам планету,
Как атланты, держат на плечах...

Я - уголь!

Я в земле лежал зажатый,
Доступа к свободе не имея,
От накала превратился в уголь,
От объятий недр, окаменел

Я из древней фауны и флоры,
Но настала новая пора:
Люди легендарные – шахтеры –
Мне открыли выход на-гора.

Я зеленым бушевал прибоем
Под разливом голубого дня...
Снова сердце угольным забоем
Вспыхнуло, клокочет у меня.

Сколотый, воспрявший из покоя,
Вздыбленный взрывчаткой глубоко,
Черною бурлящею рекою
Вырвался из каменных оков.

Солнечной энергией кипящий,
Я окаменелым не лежу,
А несу земное людям счастье,
Им горячей добротой служу.

Я не встречу на пути заторов,
И поток мой вспять не повернуть –
Гвардия могучая шахтеров
Мне зеленый открывает путь.

Сердцем пишутся эти строки

Ветераны

Всеми тропами бродят
Наших дел ураганы,
И зовут нас в народе
Добрый именем «ветераны».

Легендарные сроки,
Беспокойное племя...
Этим званьем высоким
Окрестило нас время.

В небо молнией взвилось,
Как в грозу: «Ветераны!»
Это слово родилось,
Знать, от ветра и раны.

Это слово бушует
И зовет, словно факел,
Рвется в битву большую,
Пишет новые знаки.

С этим званьем духовно
Мы безмерно богаты,
Оно спаяно кровно
Со штыком и лопатой.

Нам, штурмующим недра,
Словно стены Бастилий,
Наши женщины щедро
Свою нежность дарили.

А когда было туго,
До безумия тяжко,
С нами вместе подруги
Шли в единой упряжке.

И во славу державы
Совершали дерзання...
Они носят по праву
С нами общее званье.

Сорок первого летом
В ту смертельную драку
Мы партийным билетом
Поднимались в атаку.

Нас корежили долго,
Но сердца не увяли...
Мы над Доном и Волгой
Твердо насмерть стояли.

В нас фашистские орды
Жар свинца изрыгали,
Но за Эльбу и Одр
Нам отлили медали.

Вторглись кровью и потом
В марш победные звуки!..
Снова к мирной работе
Жарко тянутся руки.

Над эпохою гордо
Мы несли наше знамя –

Трудовые рекорды
Оставались за нами.

Наша доблесть взметнула
В небо мачты и краны.
Как штыки в караулах –
И сейчас ветераны.

Ветераны! – не просто,
А гранитно, сурово!..
Торжествующим тостом
Пусть гремит это слово!

Мы научены круто
Жить, работать, сражаться,
Можем вспыхнуть салютом
И утесом держаться.

Это слово, как маки,
Как огнем налитое,
В этом слове – атаки
Умирающих стоя.

Мы под тяжестью не устали –
Ветераны не ноют!
Сплав железа и стали
В нас слились сединою.

И теперь, если тронут,
Смело ринемся в бой мы:
Есть заряды, патроны
И в сердцах, и в обоймах.

Нам к покоем домашним
Уходить еще рано,
И, как прежде, на марше
Впереди ветераны.

Не утратили рвения
Все противное комкать.
На нас держат равнение
Молодые потомки.

Они с подвигом старших
Шаг упругий сверяют
И напористым маршем
Выси гор покоряют.

Отгремевшие даты
Нас тревожат как раны...
И гудящим набатом
Славят вас, ветераны!

Кто придумал судить о возрасте
По числу календарных лет?
Ну а если ты полон бодрости,
Если любишь ты алый свет?

Если мир твой рисован красками,
Где отсутствует серый цвет,
Если ты не скудеешь ласками
И мечтателен как поэт.

Если ты отвергаешь пошлое,
И тебя не влечет покой,
Если с грустью не смотришь в прошлое,
Значит, ты еще молодой!

Нет, не стоит судить о возрасте
По числу календарных лет,
Если ты еще полон бодрости –
Значит, старости места нет!

Миша

Лето шло в золотую осень,
Высевая в полях росу...
В эту пору и мне довелось
Отдыхать на Томи в лесу.
Там в бору под зеленой крышей,
Где мечтаньям простор большой,
Повстречался мне мальчик Миша,
И сдружились мы с ним душой.
Мы гуляли вдвоем по лесу,
Взявшись за руки по-мужски,
И потоку стихов и песни
Были тропки порой узки.
Если лес погружался в дрему,
Пела томской волны струна,
Золотая листва черемух
Осыпалась на плечи нам.
Собирали жуков, улиток,
Чудом красок удивлены,
И бросками овальных плиток
Над водою «пекли блины».
Мы бродили по травам в реках,
Палки-сабли держа в руках.
Сколько задал он мне вопросов
Про таинственность в облаках.
Он рассказывал мне без лени
О мужчинах большой судьбы,
Вместе ползая на коленях,
Под хвоей искал грибы.
Как он маме крылом помашет
Из-за облачной высоты,

Принесет ей букет ромашек –
Самолетных полей цветы.
Стал мне Миша как друг, как ровня –
Дружба мальчиков горяча! –
С ним гуляя, я сердцем помнил
Ясноглазых моих внучат.

Обское море

В берега неблизкие
На обском просторе
Плещется сибирское
Голубое море.
Рождено ты Обь-рекой,
Самой милой в мире...
Нет нигде другой такой
Красоты в Сибири!

Ширь твоя ласкает взор,
Волны с небом вяжет,
А вокруг сосновый бор,
Золотые пляжи.
Душу радуют сады,
Белых яблонь диво,
Гладь зеркальная воды
Бердского залива.

Пору утренней зари
Первыми встречают
Острова, как корабли, –
Пристани для чаек.
Отдыхают в летний зной
Город Бердск да Камень,
Словно дремлют над волной
Лодки с рыбаками.

Где песчаная коса,
Стаей птиц крылатых
Спорят с ветром паруса

Солнечной регаты.
И гордится край обской,
Что, как сталь литая,
Крепнет силою морской
Молодость крутая.

Вторят шелесту волны
С песнею хорошей
Голосистые лады
Озорных гармошек.
Как тебя мне не любить
До сердечной дрожи –
Стало море на Оби
Всех морей дороже.

Память

Не изгладят любые сроки
О погибших светлую память...
Сердцем пишутся эти строки,
И в глазах наших скорби заметь.

Не забыть, как в аду пожараищ
От взводов оставалось трое...
Если б встали вы все, товарищи,
И прошли вместе с нами строем!

Мы над вами, кто пал сражённым,
Боевое наклоним знамя,
И, как шашкою обнажённой,
Полоснёт наше сердце память.

Ветер тихо кумач полощет –
Мы минуту молчим в честь павших...
И, как снегом, покрыли площадь
Поседевшие головы наши.

Позывные Вали Олешко

Призванная сердцем – не помешкав! –
Уберечь от недругов страну,
Школьница с фамилией Олешко
Смело шла из детства на войну.

Жизни не щадя и не жалея, –
Так кипел в груди к победе пыл –
С тальниковых берегов Алея
Путь её лежал в фашистский тыл.

Много вёрст тревожных перетопав, –
Мечь врагу до боли горяча! –
Шла она по партизанским тропам
С рацией на девичьих плечах.

Видела она, как в дни иные
Жгли фашисты женщин и ребят...
И тогда летели позывные,
И огонь просили на себя...

С ног сбиваясь, вражеская слежка,
Как ищейка, след её нашла...
Девушка с фамилией Олешко
Навсегда в бессмертие ушла.

Запеленговали. Окружили.
Дуло дышит холодом в глаза.
Только восемнадцать они жили,
Но из них не вылилась слеза.

Через годы скорби и кручины,
Всей душой волнуясь и любя,
Будем мы, Валюша-Валентина,
Позывные слышать от тебя!

Тайдон

Недавно я побывал на нашей сибирской реке Тайдоне. Очаровали меня эти места. И в меру своих возможностей решил поделиться стихами о впечатлениях.

Во всём мире величием славятся
Наши русские Волга и Дон,
А в кузбасском краю – красавица,
Золотая река Тайдон.
То поёт он струной перебранной,
В перекатах своих звеня,
Бьётся в скалы волной серебряной
Из зеркального хрусталя.
А где травы медовые росы пьют,
Он разлился, как Томь, широко,
Начинаясь журчащей россыпью
В бисер снизанных родников.
Там, вдали от шахтёрского города,
Мир тайги лишь тропой промят,
Да на кручах прибрежных гордые
Вековые кедры шумят.
Им, взлетевшим в небесное марево,
Шапку сняв, поклониться не грех,

И тогда лишь они подарят вам
Янтарём налитой орех.
Здесь мы встретились с лесорубами:
Жизнь-романтика горяча!
Да, ребята прямые, «грубые»,
Рубят так же, как мы, с плеча.
Но когда угасает спрятанный
На разлапистых елях день,
На столе у нас мёд с лосятиной,
Рыба хариус и таймень.
И в тиши торжествующей мессою
Льётся музыка до зари –
Перезвону реки, шуму леса ли
Вторят песню свою глухари.
Засыпаешь – и твёрдо верится,
Что таёжный роман прочёл...
И бредёт над Медвежкой Медведица
В звёздном небе, как в рое пчёл.
Пусть для каждого станет открытием,
Кто встречал на Тайдоне дни...
И Тайдон, и таёжные жители –
Нам, шахтёрам, душой сродни.

Фронтовые линии шахтёров

Приближая день победы скорой,
Чтоб салют мог в наше небо взвиться,
Под землей работали шахтеры,
Как солдаты огневых позиций.

В перечнях армейского состава
Им сродни саперы и пехота,
Горняки в крутых и жарких лавах,
Обливаясь просоленным потом.

И пришельцам не было пощады –
Сжал кулак народ непобежденный;
Вместо тех, кто бил орду нещадно,
В шахту шли их матери и жены.

Никогда не будет позабыто,
Как разят врагов из угля стрелы...
И гремели взрывы аммонита,
Словно фронтовые артобстрелы.

И теперь гудит, как эхо боя,
Только пальцем чутким струны троньте,
Запоют они, как по забоям
Проходила огневая фронта.

В память тем горит святое пламя,
Кто вдыхал метан и дымный порох,
Не сотрут века на горных планах
Фронтовые линии шахтеров.

Город наш родной

Молодость тревожная
Помнится с войной...
Нет тебя дорожке,
Город наш родной.

Мы тобой любимся
Утром, днём, в ночи.
Ты раскинул улицы,
Как звезда лучи.

Улицы, в которые
Словно солнца свет,
Вписана история
За полсотни лет.

И страшны ли вьюги нам,
Если в нас живёт
Горняков Кольчугина
Гордой песни взлёт!

Золотник

В золотой шестёрке юной Машею
Первая получена медаль.
Ей, чертёнку, из манежа нашего
Бурно рукоплещет Монреаль.

Нам восторг дыханье перехватывал
От её успеха, словно зной.
Девочка с фамилией Филатова
Стала многим близкой и родной.

Люди-ремень радостью заплакали,
Не сдержав волнующий порыв:
Осенёна олимпийским факелом
Девочка из нашей детворы.

О большой, пленительной романтике
Кто из нас с надеждой не мечтал...
Милые косички, ленты-бантики
Поднялись на высший пьедестал.

Светлый дом на городской околице –
Первый испытательный рубеж...
Ей всегда с любовью будет помниться
Детский гимнастический манеж.

Этот дом большой проникся верою –
Не иссякнет творческий родник,
Золотой спортивной королевою
Станет им открытый золотник.

И доносят ветры вести веские
Через Атлантическую даль...
Девочкой из Ленинска-Кузнецкого
Покорён спортивный Монреаль.

Праздник в спортивном манеже

Светлый зал не зря заполнен:
Музыка, овации, цветы –
Мы встречаем в неуёмной силе
Праздник грации, стройной красоты.

Храм для спорта, называя детским,
Возвели шахтёры между дел,
Он, рожденный на земле Кузнецкой,
Мировую славой загремел.

А трудов положено немало
Теми, в ком пылал огонь сердец,
Чтоб подняться школой из подвала
В этот светом залитый дворец.

В этом зале под высокой крышей
Первое с гимнастикой родство –
Сотни наших девочек, мальчишек
Постигают в спорте мастерство.

Крепкой сталью налитые руки
Дали им в наследие отцы,
У шахтеров сыновья и внуки
Стали в спорте просто молодцы!

И по праву вымпелы и ленты,
Грамоты со знаками наград
Многих стран, далеких континентов
Вышли на торжественный парад.

Покорив дистанции и дали –
Самой высшей сложности снаряд,
Золотые кубки и медали
Здесь, в шахтерском городе, горят.

Скульптор

(А.П. Ёлкину)

Верил он, что в песню превратится
Под его руками глины ком,
Городской истории страницы
Запоют скульптурным языком.

Из нужды непроглядной, жуткой,
К дням творенья прямая связь,
Жил он с матерью в старой будке,
А вокруг её – глина, грязь.

Мать читала ему былины,
Жадно слушал он их всегда.
Для фигурок хватало глины
И в избытке была вода.

Глыбы брал – согласен – атлантом,
Душу вкладывая, творил...
Это надо блистать талантом,
Чтобы камень заговорил.

ДА, У НАС ОБЯЗАННОСТЬ ТАКАЯ!

Марш шахтёров

Слова Николая Попова. Музыка Игоря Другова.

Ранним утром со своей бригадой
Я спускаюсь в угольный забой.
Мне другого счастья и не надо,
Мы одною спаяны судьбой.

Припев: Да, у нас, да, у нас обязанность такая –
Штурмовать пласты в кромешной мгле,
Зубьями комбайна высекая
Солнца жар, спрессованный в угле.

Пусть над головою дышит лава,
Мощными обвалами грозя.
По плечу нам трудовая слава,
Если рядом верные друзья.

Припев.

И горжусь я тем, что солнца камень,
Взятый мной из шахты, как в бою,
Я своими щедрыми руками
Родине для счастья отдаю!

ДОБРЫЙ ГОРОД НАШ

Песня школьников Ленинска-Кузнецкого
Слова Николая Попова. Музыка Игоря Другова.

Эй, ребята-школьники, смелые и ловкие,
Грянем вместе весело свой походный марш.
С дробью барабанною пойте трубы звонкие,
Детской дружбой дорог нам добрый город наш.

Припев: Сколько здесь детей вокруг
Живёт на каждой улице!
Сколь есть друзей вокруг,
Мы все в сердцах кольчугинцы!
Пусть летит со временем
Песня хора детского,
Мы гордимся именем
Ленинска-Кузнецкого!

Не забудем подвигов генерала Шилина,
У мемориала возложены цветы.
По-сибирски крепкими, по-сибирски сильными
Вырастем, чтоб, Родина, процветала ты.

Припев.

Наши годы школьные мчатся с переменами,
Будут песни новые над Инёй звучать...
Станем кто шахтёрами, ну а кто спортсменами,
А пока нам знания надо получать.

«КИРОВКА» И «КИРОВЦЫ»

Песня о шахте имени С.М. Кирова Ленинского рудника
Слова Николая Попова. Музыка Игоря Другова.

Через все года проходит молодо
Славою овеванный наш труд,
Для страны любимой с «чёрным золотом»
Эшелоны с «Кировки» идут.

Припев: «Кировка», «Кировка» –
В трудовой мелодии
Ленинска-Кузнецкого
Славный лейтмотив...
«Кировцы», «кировцы» –
Пусть на счастье Родине
Это имя носит
Шахтёрский коллектив.

А дорога под землёй – не гладкая,
Но накал дерзаний не остыл...
И штурмуют с богатырской хваткою
«Кировцы» глубинные пласты.

Припев.

Укротили все удары горные
И посадок ураганный рёв...
Быть в работе смелыми, упорными
Завещал потомкам Чекмарёв.

МЫ ДОБЫВАЕМ СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

Слова Николая Попова. Музыка Игоря Другова.

Угольной пылью полнятся поры,
Солнца не видят в лавах шахтёры,
Но грубоватыми в хватке руками
Мы добываем солнечный камень,
Но грубоватыми в хватке руками
Мы добываем солнечный камень.

Припев: Над копром шахтовым, как всегда,
Яркою Авророй светит нам звезда,
И зовёт шахтёров, словно в бой,
На высокий подвиг в угольный забой,
В угольный забой.

Пусть нам подруги нежно помашут,
Мы под землёй на решительном марше.
Людям на счастье недра раскроем –
В гвардии нашей хватит героев.
Людям на счастье недра раскроем –
В гвардии нашей хватит героев.

Припев.

Родина верит в смелое племя,
Труд наш прославили песня и время,
Вдоволь добудем жаркого хлеба –
Солнечным будет чистое небо.
Вдоволь добудем жаркого хлеба –
Солнечным будет чистое небо.

Припев.

Вперёд, шахтёры, на подвиг в забой!

ШАХТЁРСКИЕ ЛАСТОЧКИ

Слова Николая Попова. Музыка Игоря Другова.

Знать, для встреч и расставаний
Перед трудной «бороздой»
Над стволом в надшахтном зданье
Свили ласточки гнездо.
И с зарёю самой ранней,
Развернув души меха,
Нас встречают щебетаньем:
«Мужики, пошли пахать?
Мужики, пошли пахать?
Мужики, пошли пахать?»

Мы в ответ на щебет птицы
К их семейному гнезду
Поднимаем сходу лица,
Как в равненье на звезду.
И готовы птичьи речи
Молча слушать горняки:
«На-гора для новой встречи
Выходите, мужики,
Выходите, мужики,
Выходите, мужики».

Над копром в высоком небе
Вьются ласточки стремглав.
Мы несём с собой их щебет
Глубоко в забой лав.
Но уставши, смотрим косо,
Тяжелеет взмах руки,
А они опять с вопросом:

«Отпахались, мужики?
Отпахались, мужики?
Отпахались, мужики?»

И за наш успех в работе
Птицы молнией живой
Вновь на бреющем полёте
Просвистят над головой.
Жаркий пар, да пива кружка –
По домам идём легки...
Вслед щебечут нам пичужки:
«Отдыхайте, мужики,
Отдыхайте, мужики,
Отдыхайте, мужики».

ШАХТЁРСКИЙ ТАЛИСМАН

Песня о жёнах шахтёров

Слова Николая Попова. Музыка Игоря Другова.

Ты меня провожаешь в забой,
Слово тёплое скажешь мне в путь...
И всегда твоя нежность со мной,
Наполняет мне радостью грудь.

Припев: Нам с песней гордой
Поступью твёрдой
В земные недра идти.
Пусть наши жёны
Сердцем зажжённым
Нам озаряют пути.

Там, где вздыбились круто пласты,
Лавой движется угля поток,
А в душе полевые цветы
И крылатый на косах платок.
Чтоб встречать нам рассветы вдвоём,
Я пробью этот каменный щит...
Слышу в шахте, как сердце твоё
За меня беспокойно стучит.

Припев.

Я иду под землёй на таран,
Чтоб сберечь наш семейный уют...
И когда поднимусь на-гора,
Вновь увижу улыбку твою.
Не страшны мне обвал и метан,
Что повсюду коварством грозят,
Потому что ношу талисман –
Твой лучистый, с надеждою, взгляд.

ГИМН ГОРОДА ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКИЙ

Город горняков

Слова Н.И. Попова, музыка И.В. Другова.

Разливаясь по просторам,
Тихо плещется Иня,
А над ней – шахтёрский город
В блеске солнечного дня.
Где копры под ветром колким
Видят птичьих стай полёт,
Вышли спутники-посёлки
Словно в звёздный хоровод.

Привет: Нам стареть не велено
Сединой веков,
Пусть живёт уверенно
Город горняков.
Крепни, молодецкая
Поколений связь,
Ленинска-Кузнецкого
Именем гордясь!

Хорошо встречать рассветы
Под напев такой простой,
Но шахтёров ждёт планета
С чёрным золотом пластов.
Открывали стройкой рудник
Первой шахтою «Успех».
У кольчугинцев и в будни
Стал он символом для всех.

Привет.

В память тех, кто бой изведаль,
Уголь фронту добывал,
Встал на площади Победы
Грозных дней мемориал.
Всем нам душу он тревожит,
А вокруг цветов прибой...
Ты мне стал ещё дороже,
Город с доблестной судьбой!

Николай Иванович
в письмах и воспоминаниях

Ли́ра Николаевна Каце́ба, дочь:

Человеческая память обладает особым свойством: в зрелом возрасте всё, что было в детстве и юности, вспоминается иногда отчетливее, чем то, что произошло недавно.

Вот и мне, вспоминая папу, а значит и маму, приходит на память моё первое воспоминание о папе. Оно очень отрывистое: вокзал, перрон, мама ведет меня за руку, в другой руке у меня горшок; и вот мы в товарном вагоне, за перегородкой – лошади, надо мной – их головы; напротив, на мешках (очевидно, с овсом), сидят мама, папа и Вова; и всё, похоже, я заснула. Было мне тогда 3 года.

И только через много лет, по рассказам мамы и папы, мои детские вспышки воспоминаний, как яркие цветные камешки, сложились в красивый узор мозаики о взаимной любви мужчины и женщины, о любви к мужчине, мужу, отцу её детей.

В июле 1941 года папа был призван на фронт и направлен на восток (ожидалось нападение Японии). И вот часть, в которой служил отец, перебрасывают на запад, под Сталинград. Папа сообщил маме, что их эшелон пройдет через Новосибирск, но когда – смог сообщить очень приблизительно. Увидеть любимого, пусть даже на мгновение... И она, не задумываясь, поехала в Новосибирск. Как она в военное время с двумя маленькими детьми добиралась до Новосибирска? Как жила там? Но в течение двух недель каждый день мама со мной и Вовой ходила встречать эшелоны, уходящие на фронт... И он пришел. Нам разрешили побыть с папой в вагоне, доехав с ним до ближайшего полустанка.

Славный праздник нашей страны — День Победы — это праздник моих родителей. Они прожили долгую совместную жизнь — 48 лет. Мама часто говорила: «Я счастливая — полюбила Кольку Попова, вышла за него замуж, родила пяте-

рых детей. Он вернулся живой с фронта, дети все живы, здоровы. Я очень счастливая».

Папа с мамой прожили большую жизнь, но внутренне, душевно они так и не дожили до старости.

Город Владивосток, 8 ноября 1944 г.

Здравствуй, моя дорогая Аня!

Здравствуй, мама, здравствуйте, мои любимые Вовик и Лирочка!

Сейчас получил от вас поздравительную телеграмму и письмо от 25 октября (это третье письмо, полученное мной от тебя, Аня, во Владивостоке). Сердечно тронут твоей телеграммой, рисунками Вовика и твоим письмом. За все это приношу тебе, Аня, бесконечную благодарность (ты все же часто мне пишешь письма – товарищи мне просто завидуют). Сегодня вот и Леня Отец получил от жены 2 письма и от сына письмо с каракулями и тоже доволен, как и я. Мы с ним хвалимся письмами, а Сашка Таманов сидит вроде как обиженный. Ну, Аня, сегодня, кажется, напишу тебе много – есть большое настроение.

Итак, отвечу по порядку сначала на твое письмо.

О том, что у Тани родилась дочь, узнал только из сегодняшнего письма. Я так и знал, что дочь родится, уж больно она ждала дочь. Хорошо! Только ты вот опять этого вопроса не довела до конца. Ой и рассеянный ты человек, что пишешь и отчета себе не даешь. Ну хорошо, дочь, допустим, а имя-то у нее есть? Как же назвали-то?

Рубленого табаку ты уж мне не посылай, не надо, лучше буду постепенно отвыкать курить, может, и совсем брошу. Но вообще, это сейчас сделать тяжело, потому что всегда находишься в каком-то нервном напряжении и табаком себя

успокаиваешь. Но рубленого табаку – еще раз повторяю – не посылай.

Не беспокойся и о посылке, не трать там зря деньги на шерсть для меня, лучше беспокойся там о себе, лучше себе навяжите теплые чулки (особенно ребятам, Вовику). А я и без посылки пока что проживу, ну уж когда шибко потребуется, тогда попрошу сам. Правда, перчаток все еще у меня нету, так и не купил, но здесь еще совсем тепло, можно ходить даже раздевшись. Всего один раз выпадал снег - 26 октября (я тебе писал об этом), и снова стоит сухая, ясная погода. Так что можно жить еще без перчаток.

Пару слов о твоих переживаниях. Мне кажется, что у тебя уже глаза покраснели от постоянных слез. Ты все пишешь, что плачешь и плачешь. Ну к чему это? Не надо, моя дорогая. Скоро мы с тобой увидимся. Вчера на параде в Москве тов. Сталин сказал, что пройдет несколько месяцев, полгода или годик, и Германия развалится под тяжестью своих преступлений. Сталин не зря это сказал. Значит, пройдет не больше года, война будет окончена нашей победой, и я, как и многие другие, вернусь домой - к тебе, к детям, к матери. Так что мужайся, моя дорогая, мы с тобой встретимся, и жизнь пойдет лучше прежнего. Если будет возможность, ты приедешь меня встречать. Например, если окончание войны застанет меня здесь, на Дальнем Востоке, это я очень бы хотел, чтобы ты приехала сюда (хотя бы с Вовиком), по пути посмотрели бы Дальний Восток. Но об этом будет разговор еще далеко впереди. Будь пока довольна двойной порцией ребяческой ласки – одну принимай от них за меня. Мне тоже хочется с тобой увидеться, только не на пять минут, как ты хочешь. Пятиминутная встреча только растрогает сердце. Встретиться, так уж на продолжительное время...

Тебе Аня кажется, что я стал последние письма писать жаркими: что чувствую, что хочу сказать, все пишу. Я вас не забываю, наоборот, последнее время вы не выходите у меня из головы. Шура оказался на этот раз счастливее: к нему Таня может съездить в гости попроведовать. Надо будет ему тоже написать письмо.

Рисунок Вовика тронул меня до глубины души, в нем такое глубокое содержание (для ребенка). Нарисован садик, цветы, значит, здесь беззаботно, и счастливо резвятся маленькие дети, и вот налетает черным вороном сеющий смерть самолет. Здесь нет военных объектов, нет вооруженных людей, здесь только пышно цветут цветы и как цветы в них порхают маленькие ребяташки. Но фашистские бомбы летят вниз, их разрывы заглушают детские голоса, и вот между воронок изуродованного поля валяются трупики ребят. О какой большой, замечательной жизни они мечтали минуту назад. Солнце меркнет от этой картины. Умный мой, хороший сын, сколько твоих сверстников и одноклассников погубило так. Детский рисунок – как он отражает много. Я его сохраню до старости (если будет у меня старость). Все силы, большую часть, уделяй ребятам, пусть они развиваются правильно. Занимайся и Лирой. Ей тоже пора что-нибудь создавать. Жаль, что я сейчас ничего не могу им посылать.

Ты снова не пишешь, какие письма ты от меня получила. Напиши обязательно!

Когда я сказал Полякову, что к тебе вселили женщину из Москвы, он говорит: «Лучше бы она пустила к себе на квартиру мою жену, жили бы вместе...». Это идет речь о Наде Поляковой, она работает в шестом детсаде. Я тебе писал, чтоб ты с ней познакомилась. От Р. Жарикова ничего не получал. Где он, интересно, есть, почему не дает мне ответа?

Решетников мне не поручал, но я скажу от себя, что он последнее время не дожидается от своей Зои письма. Вот мне пришло уже три и телеграмма, а ему ничего нет. Парень заждался... Итак, буду этот лист сворачивать и вкладывать в конверт, может быть, еще что-нибудь вспомню, допишу отдельно, а пока крепко-крепко вас целую, мои дорогие друзья.

Ваш Коля.

Владимир Николаевич Попов, сын:

(из документального фильма к юбилею Н.И. Попова, ОАО «Ленинск ТВ», 1998 год)

И вот день Победы! И началось ожидание возвращения отца. У многих одноклассников отцы уже вернулись. Мужчины в военной форме ходили по городу, а я думал: «Может, он перепутал и не к нам пришел? Пришел солдат, я залезил на тополь и смотрел, смотрел: вдруг не туда зашел. Нет, все радостные, плачут, смеются, целуются. И вот уже где-то в октябре пришел со школы, смотрю, у нас в доме, в коридоре, стоит военный, увидел маму. Видно, сердце почувствовало, понял – папа! Бросился к нему..... и стали жить.

Ирина Николаевна Рыжкова, дочь:

Для меня папа – идеал мужчины: отца, дедушки, мужа. На него я равнялась, сверяя свои поступки с ним, ведь он всегда знал, что надо делать, как поступить, какое решение принять.

Одно из первых моих воспоминаний о папе - купание в озере, когда мы ездили на его малую родину в Алтайский край. Я шла за ним и нисколько не боялась глубины, даже когда вода стала попадать мне в рот, настолько была уверена в безопасности, потому что папа рядом. Ведь он сильный, умный и всегда придет на помощь... А еще я помню, как он

брал нас с сестрой с собой на шахту, и мы засыпали прямо у него в кабинете, пока он давал наряд шахтерам, а потом уже ночью добирались домой. С ним всегда было надежно и безопасно, а еще безумно интересно. Подмечая в человеке то главное, что не бросалось в глаза, но составляло самую его суть, он так умел похвалить, возвысить человека, что после общения с ним хотелось горы свернуть. В его присутствии люди становились более оживленными, приподнятыми, находчивыми.

Мою маму, свою Анечку, он любил всю жизнь, гордился ее красотой. С мамой они были как две половинки одного целого. Он совсем не умел готовить, считал хлопоты на кухне чисто женской работой. Хотя машину водила мама, а папа – рядом с ней и никогда не стремился сам сесть за руль. Но в огороде они все делали вместе, и когда это было возможно, вместе и отдыхали. Но если по каким-то причинам он уезжал один, на отдых или в командировку, письма были той ниточкой, которая связывала его с нами, с домом. Письма были длинными и интересными, мама читала нам их вслух... И всё это было как вчера...

Больше я их никогда не увижу, но я никогда с ними не расстанусь. Мама и папа остались со мной навсегда, на всю мою жизнь...

17 сентября 1975 г.,

9 часов вечера.

Здравствуйте, мои хорошие!

Не могу не информировать вас о своём житье-бытье. Пишу вам третье письмо (а за сегодняшний день — первое). Эти письма — как записки из мёртвого дома. Наш особняк по-прежнему тихий и спокойный, нет ни музыки, ни снега, ни громких разговоров — не говоря уже о песнях: сходим в сто-

ловую дома отдыха и снова как в могилу. Мне, вообще-то, это нравится: можно думать, читать, писать. Например, вчера мне Андр. Никол. принёс интересную книжку «Полпред Трояновский» (биографическая), и я её читал целый вечер, и даже до двух часов ночи, и спать не хотел — лёг спать просто потому, что уже надо было спать, а утром сегодня встал рано и эту книжку дочитал (временно отложив «Изотопы для Алладдина»).

Вчера и сегодня (только вот сейчас) смотрел по телевизору кино о чекистах, об уголовном розыске, как бандитов ловили — вы тоже, наверное, смотрели, вы такие картины смотреть любите. Сейчас напишу это письмо и перед сном пойду принимать душ — приятное это занятие. Душ, Аня, точь-в-точь, как на «Балакиреве» или на «России» - мелкий, чуть колючий, прям-таки щекочет тело.

Людей у нас пока что мало — что-то только собираются. Весь корпус рассчитан на 100 человек, а пока собралось человек 40. Ан. Ник. живёт в комнате один, ну а я - с 67-летним рабочим с «Красного Октября». Но старик оказался какой-то непоседа, в комнате его почти совсем не бывает. Вчера он даже ходил на танцы, сегодня до обеда целый день кольца метал, а вот где сейчас — не знаю. Знаю, что в клубе идёт кино (две серии) про какую-то королеву (кажется, Коко), так он, наверное, там.

За нашим столом 4 человека: я, мужчина лет 35-40, такого же возраста, может быть, постарше, женщина и ещё одна женщина не старше 35 лет. Молодой мужчина сегодня во время завтрака принёс ветку рябины с листьями багряного цвета и поставил на стол в салфетницу. Под впечатлением этой ветки (да тут на территории много таких кустов рябины), да и вообще под впечатлением этих ярких рябин написал стихи, во время обеда прочитал их своим застоль-

никам, и они очень тепло о них отозвались. При этом они спросили мою фамилию, я назваля, и они тогда: «Так это вот кто среди нас! (двое из них из Ленинска) Мы же читали Ваши стихи в «Ленинском шахтёре...». И давай рассказывать про «Каску», про «Стойку», про «Зубки» и т. д.. Тоже очень одобрительно отозвались о тех, шахтёрских, стихах. Я высылаю вам стихи про рябину.

Красная рябина

Чувства глубоко ранимы,
Если не сложилась «жизнь»...
Листья осенней рябины
Ранним багрянцем зажглись.

Ветер нещадно и грубо
Гнул у рябины кусты:
Не было рядом с ней дуба
В пору зелёной листвы.

С ним — величавым, родимым —
Ветви её не сплелись...
Песней прощальной рябины
Листья под осень зажглись.

Может, как вызов суровый,
Сброшен зелёный наряд,
Листья, как юностью новой,
Пышным багрянцем горят.

Пусть по осенним аллеям
Краски её хороши —

*Ярко горят, но не греют
Чувств охладевшей души.*

*С грустью на листья глядим мы,
С болями в сердце своём:
Может быть, в красках рябины
Мы и себя узнаём.*

Первому я прочёл эти стихи у себя в комнате Ан. Ник.. Он их тоже одобрил, только ему не понравилась одна строчка – «Гнул у рябины кусты», особенно слово «кусты», дескать, это слово надо заменить ветвями...

А сейчас мы с ним вместе смотрели по телевизору кино о чекистах. Зашли к нам в комнату, я стал раздеваться, мол, сейчас пойду под душ, а сам на самом деле хотел, чтобы он оставил меня, чтоб я имел возможность написать это письмо.

Да, сегодня после обеда была организована прогулка на катере по Томи. Набралось человек 30. Съездили до Металлплощадки — такой посёлок на окраине Кемерово, где-то вроде недалеко от телецентра, потом причалили к острову против дома, там побродили - и обратно.

Вот так и прошёл день... Никаких процедур сегодня не принимал, да их, кажется, и никто не принимает, и никто к ним не приневоливает.

В столовой кормят хорошо. Блюда разнообразные, можно заказывать кому что угодно, выбор большой.

Вчера вечером над раковиной выстирал свою нейлоновую рубашку (горячая вода), за ночь она высохла, и утром я её одел снова чистой.

Ну что ещё вам рассказать? Вроде всё.

Другие отдыхающие ходят собирать грибы, видно, пом-

ногу приносят — для этого надо подходящую обувь и одежду, не пойду же я в ботинках и костюме по траве собирать колючки, да и грибы вроде бы мне ни к чему.

Что ещё сказать. Наверно, надо кончать, время уже пол-одиннадцатого. Надо хорошенько выспаться. Вроде я сегодня хочу спать.

Аня, к тебе есть одна просьба. Ты числа 21-22 позвони в партком Гребенюку Ив. Ив. и спроси, состоится ли партсобрание 24 сентября, приезжать мне или нет, а то, чего доброго, ещё могут перенести на другой день. Отсюда вроде можно звонить во все концы Сов. Союза, и я, возможно, числа 23 позвоню вам, узнаю от вас о собрании. И было бы неплохо, если бы вы мне написали 20-21, что собрание состоится. Ну, в общем-то, это всё на вашу волю. А может быть, приедете ко мне 24 утром, чтоб к 5 часам вечера быть в Ленинске. Если приедете — приезжайте прямо к нашему особняку, к парадному подъезду.

Ну всё. До свидания!

Ваши папа.

Вера Ивановна Бурцева, поэт, журналист:

(фрагмент статьи газеты «Городская газета» от 11 июня 2010 года)

Это может показаться странным: шахта, место тяжелого труда, постоянного риска, нередких трагедий, стала его музой.

.....
Был Николай Иванович и простым горняком, и начальником шахты «Новая». Когда её объединили с шахтой «Комсомолец», долгое время работал начальником участка вентиляции. На заслуженный отдых ушел с должности горного мастера. Знал «подземное царство, как собственный дом. Поэтому в стихах его фальши просто не могло быть. Так тро-

гает, к примеру, рассказ о душистых сосновых веточках, брошенных лесогонами в вагоны с крепежным лесом, которые понесли забоям запах весны.

.....

А сколько шахтерских баек он знал! Но наиболее выразительным он был в стихах. Одно из самых сильных, на мой взгляд, стихотворений Николая Ивановича – «Баллада о комбайновом зубке». Зубке, который «высекал салюты, с ходу врезавшись в колчедан», и сохранил свою твердость, даже будучи брошенным в отвал после поломки комбайна.

.....

Николай Иванович действительно гордился горняцким званием: «Только им подвластен черный камень – камень, не имеющий цены». По фронтовой привычке в забое он чувствовал себя на переднем крае. Вряд ли кто-нибудь помнит его угрюмым, злым, скандальным. Сосредоточенным – да, расстроенным – пожалуй, не в раю проживал. Но его оптимистичная натура всегда брала верх над невзгодами бытия.

Николай Павлович Мациенко, фронтовик, Почетный работник угольной промышленности, Почетный гражданин г. Ленинска-Кузнецкого:

(фрагмент интервью из документального фильма к юбилею Н.И. Попова, ОАО «Ленинск ТВ», 1998 год)

...Познакомились мы с Николаем Ивановичем в далеком 1957 году, когда он пришел начальником шахты «Новой». Хотел бы сказать несколько слов о Николае Ивановиче как о работнике. Несмотря на то что он был горным техником по образованию, он прекрасно знал производство, управлял умело предприятием. Он почти всю жизнь отдал шахте «Комсомолец».

И когда ушел на заслуженный отдых, он много времени отдавал шахте, Совету ветеранов войны. Впервые за все годы

он собрал все данные о каждом участнике Великой Отечественной войны шахты «Комсомолец». Персонально приглашал на работу, и даже домой, и записывал детально, скрупулёзно все данные: где родился, где воевал, какие награды, семейное положение, где работает сейчас. Все эти данные заносил в специальную книжечку. Сейчас эти данные хранятся в Совете ветеранов, и каждый фронтовик имеет свою маленькую биографию. Такие книжечки мы храним в память о нем, и о тех, кого с нами уже нет.

Кроме этого, Николай Иванович вел хороший дневник о своей работе, куда записывал, что он делал, какие давал указания и как они выполнялись.

Он внес самый большой вклад в память о ветеранах ВОВ, в память о погибших, особенно о тех, кого нет с нами.

Валентина Антоновна Матвеева,
третий секретарь Ленинск-Кузнецкого горкома КПСС:
(фрагмент интервью из документального фильма к юбилею Н.И. Попова, ОАО «Ленинск ТВ», 1998 год)

...Я очень дорожу такими словами: «Человек жив, пока о нем помнят». Николай Иванович Попов как раз из разряда тех, кто будет надолго в памяти горожан и в жизни тех людей, с которыми он соприкоснулся в пути. В 1970-х и 80-х годах в нашем городе очень популярны были встречи солдатских матерей в Центральном Дворце культуры угольщиков. Представляете, какая это была аудитория, как важно было сказать и найти доброе, хорошее слово для женщин, не дождавшихся сыновей. И вот Николай Иванович всегда находил такие слова. Я помню, как много было слёз, очень много было слёз и радости, и того чувства, которое всегда должно жить в человеке, в его поклоне перед женщиной-матерью. Меня поражают его стихи, посвященные женщине, женщине-матери, женщине любимой.

Давайте повернемся к мыслям и чувствам этого человека, который прожил такую интересную, яркую, благородную жизнь, которая может быть примером. И пусть жизнь этого человека в нашем городе останется примером для подражания на долгие годы людям.

**Тамара Алексеевна Страхова,
поэт, член Союза писателей России:**

(фрагмент интервью из документального фильма к юбилею Н.И. Попова, ОАО «Ленинск ТВ», 1998 год)

...Если вспоминать то время, 70-е и 80-е годы, то у нас была такая интересная поэтическая группа: Владимир Петрович Романчин, Петр Павлович Ягунов, Николай Иванович Попов и я с ними. Мы много общались с людьми, выступали по школам, училищам, перед трудовыми коллективами.

...Вспоминая Николая Ивановича, в первую очередь вспоминается интеллигентный, добрый, красивый человек. Красивый внутренне и внешне. Я вспоминаю наши заседания литературной группы, вспоминаю его смешливость. Когда приходили начинающие поэты с такими неуклюжими, наивными стихами, Николай Иванович начинал говорить с таким серьезным лицом, но потом мы переглядывались и начинали смеяться, но все это было по-доброму. Как-то по семейному. Он очень много времени уделял молодым поэтам, объяснял, правил стихи. Я благодарна судьбе, что была знакома с этим человеком, что наши дороги пересеклись.

**Игорь Васильевич Другов,
Заслуженный работник культуры РФ, член Союза композиторов Кузбасса:**

(фрагмент интервью газете «Городская газета» от 11 июня 2010 года)

...Когда мы познакомились с Николаем Ивановичем Поповым, я был ещё начинающим молодым композитором. Первой

нашей совместной работой была песня «Марш шахтеров».

Конечно, за долгие годы сотворчества было всякое: мы и спорили, и ругались, и уходили, хлопнув дверью. Но после всегда извинялись и продолжали трудиться. В итоге совместно мы написали девять песен.

... Тогда, в 1983 году, приближался 100-летний юбилей Ленинского рудника, и мы решили написать песню о городе. Договорились сразу: стихи должны быть написаны простыми, но душевными словами и именно о Ленинске-Кузнецком. А музыка должна быть бодрой и ритмичной, поднимающей оптимизм и горящей любовью к родному городу. При этом задумка была такая, чтобы новая песня не подходила ни к какому другому шахтерскому городу.

В 1985 году на Всесоюзной фирме грампластинок «Мелодия» 30-тысячным тиражом был издан виниловый диск. Первыми исполнителями наших песен стали известные в то время певцы Леонид Серебряников и Ксения Георгиади. Песни, записанные там, понравились и полюбили ленинск-кузнечанам и гостям города. Те, кто по тем или иным причинам уезжал из города, брали с собой эту пластинку. По словам людей, эти песни согревали на чужбине душу. Так пластинка попала в Польшу, Чехию и Словакию, Германию, Болгарию, Вьетнам, США.

Надеюсь, всё, что мы с Николаем Ивановичем Поповым задумали 27 лет назад, у нас получилось.

с. Елыкаево, 24.03.1988 г.

Здравствуйте, Наташа и Аркаша!

Здравствуйте, мои золотые, мои милые, мои любимые, мои прелестные девочки!

Катенька и Лизонька! Пишет вам ваш, мои внушеньки, деда Попов Н. И.

Я сейчас отдыхаю в санатории в селе Елыкаево, что стоит на реке Томи в сосновом бору. Здесь у нас очень хорошо – воздух чистый, смолистый, по соснам прыгают белочки,

спускаются к людям прямо на руки и берут у них с ладоней орешки и семечки.

Я каждый день хожу в лесу по тропинкам (так врач велел), не меньше трех километров. Когда взрослым будет разрешено отдыхать с детьми, я с удовольствием возьму вас с собой, чтобы отдыхать вместе, бродить по лесу, рвать цветы и собирать грибы. А можно, чтобы и папа с мамой отдыхали с вами вместе. Я видел здесь таких отдыхающих. Но это надо летом, когда на улице тепло, можно купаться в речке и загорать на солнышке.

.....

Всё здесь хорошо, только я очень скучаю о вас, мои дорогие. Так мне хочется вас видеть, разговаривать с вами. А у вас телефон не работает. Пусть папа с мамой заставят монтеров отремонтировать телефон.

*Обожаю вас, мои ненаглядные, и целую много-много раз.
Ваши дедка.*

Аркадий Николаевич Попов, сын:

... В нем сочетались доброта и строгая принципиальность, нежность и ярость, сила духа и умение прощать.

Все эти качества, плюс природный ум, тяга к знаниям, прекрасному и смогли повлиять и сформировать в нем настоящего интеллигента.

Люди приходят к такому через поколения, а он сделал это самостоятельно, в течение всего-то, своей жизни, просто не отворачиваясь от заданных целей, от своих идеалов, не изменяя себе.

1929 г.

г. Прокопьевск, Тырган (1934 г.)

Практика. Учеба в горном техникуме

С женой А. Н. Поповой (1935 г.)

Фото с фронта (1943 г., 1944 г.)

1956 г.

1960 г.

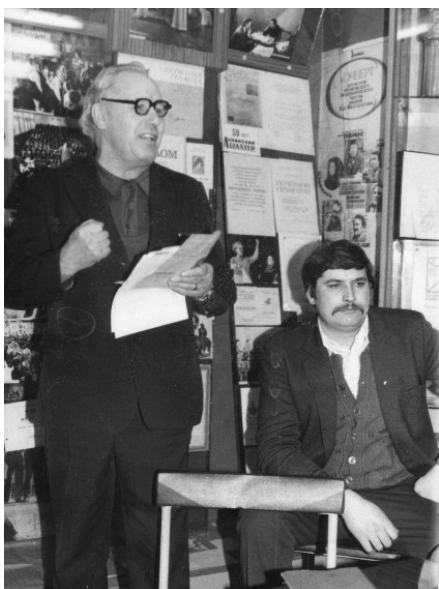
За клубникой (1983 г.)

Попов Н.И., Романов В. П., Ивакин В. Д. (1983 г.)

Ветераны шахты «Комсомолец» (1985 г.)

1986 г.

Н. И. Попов, И. Другов раздают автографы (1986 г.)

Баргозовый пучок 11.7.75.

1. Дарю тебе
Кочку над водой
Коварие я тебе дам,
Тебе дам с баргозом.

1. До сих пор тебе
Словно баргоза —
Получаешь добро
Как се жажда.

2. Жарю тебе руками
Словно ~~пучок~~ пучок баргоза
Баргозовый пучок
Кем свадетел тебе.

Словно тебе ~~слова~~
Словно тебе ~~слова~~
Как ~~баргоза~~ баргоза
Получаешь добро
С баргозом жажда.

(Кружок) Пучок замять
Пучок и уду...
Словно ~~пучок~~ пучок
Словно ~~пучок~~ пучок

До сих пор тебе
Словно баргоза —
Получаешь добро
Как се жажда!

3. Пучок пучок
Кем свадетел тебе
Словно ~~пучок~~ пучок
Пучок и уду

4. Нам ~~пучок~~ пучок
Словно ~~пучок~~ пучок
Кем свадетел тебе
Как се жажда.

5. Словно пучок
Пучок и уду
Помоги нам пучок,
Тебе дам с баргозом.

6. Если ~~пучок~~ пучок
Словно ~~пучок~~ пучок
Пучок и уду
Помоги нам пучок,
Тебе дам с баргозом.

7. В пучке
Словно ~~пучок~~ пучок
Пучок и уду
Помоги нам пучок,
Тебе дам с баргозом.

Черновик стихов (1975 г.)

Содержание

Этапы моего счастья. Биография.	9
Красота!... И ставлю многоточие	23
Верю и не верю	24
Встреча	25
Дождик проливной.....	26
Дорогая.....	27
Дочери.....	28
Женщины золотой поры	29
«Как мне трудно без тебя минуту каждую...»	30
Когда вы с нами.....	31
Когда ты рядом	32
Ландыши	33
Незнакомка	34
Ноги женщин.....	35
Оператор	36
«Я видел женщину...»	37
Шахтёрские вершины	38
Баллада о комбайновом зубке	39
Взрывник	41
Воздух	42
Глубина	43
День последний.....	44
Деревянная стойка	46
Канатная дорога	46
Каска.....	47
Комбайнёр.....	48
Крепильщик.....	49
Лава	50
Машинист электровоза.....	51
Метан.....	52
Мужское рукопожатие	53

Проходчик.....	54
Рабочий горизонт.....	55
Составы.....	56
Сыновья шахтёров.....	57
Уходим в забои.....	58
Шахтёрская лампа.....	59
Шахтёрские вершины.....	60
Шахтёры.....	61
Я – уголь!.....	62
Сердцем пишутся эти строки.....	63
Ветераны.....	64
«Кто придумал судить о возрасте...».....	68
Миша.....	69
Обское море.....	71
Память.....	74
Позывные Вали Олешко.....	74
Тайдон.....	75
Фронтальные линии шахтёров.....	77
Город наш родной.....	78
Золотник.....	79
Праздник в спортивном манеже.....	80
Скульптор.....	82
Песни на стихи Николая Попова.....	83
Да, у нас обязанность такая.....	84
Добрый город наш.....	85
Кировка и кировцы.....	86
Мы добываем солнечный камень.....	87
Шахтёрские ласточки.....	88
Шахтёрский талисман.....	90
Город горняков.....	91
Николай Иванович в письмах и воспоминаниях.....	93

Литературно-художественное издание

Попов Николай Иванович

Я ШАГАЛ С ГОРНЯКАМИ ВМЕСТЕ

Сборник стихов

Редактор-составитель Филиппенко Д. А.

Корректор Артёмкина Н. М.

Подписано в печать 24.05.2014 г. Формат 60x80/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч. изд. л. 32,25.
Гарнитура Times New Roman.
Тираж 200 экз. Заказ № 734.

Отпечатано в ООО «Офсет».
г. Кемерово, ул. Пролетарская, 9.
Тел. (3842) 34-96-41, тел./факс (3842) 34-90-69.